

*Автор благодарит за помощь
в выпуске сборника
Петра Васильевича Борисовского
и Валерия Михайловича Кузнецова*

Автор родился в 1939 году в Москве. Работал слесарем, лаборантом, токарем. В 1961 г. окончил Ленинградское Краснознамённое военно-топографическое училище. В 1975 году окончил Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии (МИИГАиК). Около тридцати лет работал в изыскательских экспедициях в различных регионах европейской части Советского Союза. Пенсионер.

Это – первая его книга в прозе. Ранее вышли пять книг его стихов: первая – «Топографы» – в 2007 году, вторая – «Дорога без конца», и третья «Сёстры» – в 2008 г., четвёртая – «Картографы», и пятая – «Сёстры-2» – в 2009 г..



Предгрозые

Этюд

Иссиня-чёрные тучи дышали грозой. Они, словно тела гигантских чудовищ, медленно ползли над землёй. Солнце, проглоченное одним из чудовищ, скрылось, послав прощальный луч Мирозданию.

Воцарилась тишина, ни щебета птиц, ни стрекотания насекомых; лишь только изредка озорной порыв ветра, шума, пробежал над полями и, взбаламутив рожь, исчезал в березовой роще, найдя покой на ветвях деревьев.

Где-то далеко за горизонтом чёрный свод неба рассекла огромная молния, разметавшая по небосводу свои ослепительные стрелы. Грянул гром. С деревьев рощи сорвалась стая ворон и галок и, громко крича, ринулась прочь от ненастья.

Первые крупные капли дождя с шумом разбились о землю. Ветер, оправившейся от испуга и вырвавшийся из объятий берёз, понёс за собой сорванные листья. Закружил их, поднял к тучам, бросил там и вновь исчез.

Листья, медленно кружась,плыли к земле, но вот они заспешили, подгоняемые дождём, и, совсем мокрые упали на поле. Дождь зачастил. Ослепительная вспышка молнии, теперь над головой, и оглушительный раскат грома, и тьма...

Июнь 1970г.

Альметьевск, Там. АССР

Два капитана

Рассказ

Приказ подписан.
Шпагу в ножны,
И на гражданку
Осторожно.

Дмитрий Деревенский

1.

Накануне Международного дня восьмого марта в субботу седьмого я предупредил родителей, что уеду утром рано. Вечером мы силами ансамбля художественной самодеятельности даём концерт для офицеров и сверхсрочников и их боевых подруг, а потом наш небольшой эстрадный оркестр играет для них на танцах.

С вечера часов в одиннадцать я лёг спать и заснул довольно быстро, мама с папой еще бодрствовали, смотрели праздничную программу по телевизору; несмотря на то, что помещались мы в одной комнате, мне это спать не мешало. Кроме того, моя «спальня» была отделена от остального помещения шифоньером.

День начался несколько позже обычного, подъем в 6:00. Мама с папой еще спят, но вот мама проснулась, решила приготовить мне завтрак. Я поздравил ее с Международным Женским Днём, пожелал успехов в труде, – несмотря на то, что она вышла на пенсию, она работала в Дирекции Мосводопровода начальником производственно-технического отдела, – и сказал, что управлюсь со всем сам.

Делаю небольшую разминку с гантелями, старая привычка. Принимаю душ, грею воду для кофе, бреюсь и завтракаю.

В семь выхожу из дома, триста шагов и – автобусная остановка. Автобус только ушёл, так что минут пятнадцать-двадцать ждать следующего.

Народа нет, сижу мечтаю. Из-за верхушек сосен Рублёвского леса показалось солнце, окрасив багрянцем облака и всю округу. Наблюдая восход солнца, невольно вспомнил стихотворение, не помню когда написанное:

Я видел солнца восход,
Рождение видел дня,
Туманный небосвод
И пламя дальнего огня.
Младенец смело в жизнь входил,
Тьму раздвигая метр за метром,
И светлый лик его струил
Тепло, что разносилось ветром.
Минута таинства,

Минута для рожденья.
Волнуюсь, не дышу,
Присутствием боюсь
Нарушить величавое мгновенье,
Которым, люди, с Вами поделюсь.
Малярит бойко
Утреннее солнце,
Синь голубеет,
В золоте дома,
И смотрит нежно с моего двора
В окно Вселенной
Белая берёзка.

Вот и автобус «Икарус» с прекрасным именем «Витёк». Когда ни посмотришь, он всё время на линии, всё время в пути. Его и прозвали «трудяга». Народу немного, день нерабочий, и многие предпочитают поспать подольше.

Вхожу в автобус, там уже сидит Толя Осокин из шестнадцатого дома по Кировской улице. Мой дом был соседний, восемнадцатый, и нас разделяло только одноэтажное здание почты. Толя – мой родственник, дальний, его предки, как и мои, из Стрелецких Дубрав Рязанской области. Эта деревня построена опальными стрельцами, которых Петр I изгнал из Москвы за их помощь царевне Софье во времена бунта с целью захвата ею власти.

Толя едет на птичий рынок за голубями. Он их держит вместе с братом Володей.

На остановке «Кунцево» схожу и поднимаюсь переулками в гору к станции электропоездов «Кунцево». Подошла электричка, сажусь. Свободных мест много. Четыре скамейки занимает группа ребят и девчат с лыжами. У одного юноши гитара, и он, душа компании, заводит всю группу.

Песни, смех, анекдоты, настоящее веселье.

Наш путь точно на запад, так что солнце светит в хвост состава. Вот и первая большая станция – Одинцово. Многие пассажиры сошли.

В 1953 году я здесь жил какое-то время на даче у моей тети Тани. Её муж – Сергей Сергеевич – работал в органах безопасности и получил жильё в чьей-то пустующей даче. Дача была скромненькая, одноэтажная с мансардой. Рядом с нашей дачей за высоким зелёным забором находилась дача Ф.Э. Дзержинского. Сейчас, говорят, в ней живут его потомки.

2.

Незаметно промчалось время, уже Голицыно. Ветка поворачивает на Звенигород. Станция Скоротово – историческая. Когда-то мужики и бабы возвращались из Москвы с покупками пешком, а ходили десять-двенадцать часов. Это 60 км. Подходили к последней деревне перед Звенигородом и говорили «Скоро того». То есть придём. Так и стали деревню называть – Скоротово.

Вот, наконец, и станция Звенигород. Толпа людей, а набралась за рейс она немалая, бросилась к автобусам, стоящим на площади. Люди бегают, суетятся, отыскивая свой маршрут. Отыскиваю номер двадцать третий, который идёт на Каринское и проезжает деревню Ягунино, под горой у самой Москвы-реки. А гора – это наша сопка, «Сопка любви», так называли ее курсанты нашего 47-ого учебного топографического отряда.

На остановке автобуса «Красная Звёздочка» выхожу и поднимаюсь вверх метров пятьсот по асфальтированной дороге. Слева склады части – технические, продуктовые, вещевые, старый барак, в котором мы жили по приезду сюда, сараи для имущества офицеров, коттеджики начальства, дом двухэтажный для офицеров и их семей. А вокруг огороды для посадки картофеля и других овощей.

3.

Вот оно, КПП – вход в святилище. Справа за территорией части два четырехэтажных офицерских дома. С севера и востока городок закрыт лесом. На юг метров восемьсот – Москва-река, спешащая в Рублёво, чтобы превратиться в прекрасную питьевую воду для столицы. На запад длинющий спуск к деревне Ягунино, тоже поросший кустарником и отдельными деревьями.

На КПП дежурный Коля Коржуев, старший лейтенант, тоже служит со мной в ПКЧ. «Борь, привет! Ты в пятницу уехал домой и ничего не знаешь. 5 марта подписан приказ о твоём увольнении из армии. В пятницу он как раз пришёл в часть, так что ты лицо гражданское. Тебя искали, но естественно, не нашли. Командира еще нет, вот жду его для доклада. Вероятно, он тебе сообщит эту новость.»

И сразу нахлынули слова:

Здесь я служил,
Мучился, огорчался,
Путь свой не находил,
Ударялся в пьянство.
О гражданке мечтаю нередко,
Очередной запой –
Клетка.
И вот свобода –
Относительная.
Приказ подписан,
Неудивительно.

4.

Делаю несколько шагов от КПП и слышу громкий голос Коли: «Смирно! Товарищ подполковник, за время Вашего отсутствия в части происшествий не случилось. Дежурный по части старший лейтенант Коржуев.»

Подполковник пошёл по части и сразу обратил внимание на меня: «Товарищ капитан, почему в гражданской одежде на территории части?»

«Товарищ подполковник, приказ о моём увольнении подписан Начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза Захаровым, так что я гражданский человек».

Это подполковника несколько остудило... «Это не имеет значения, Вы на территории воинской части и должны быть в форме до подписания приказа по части об увольнении».

«Вы забыли, что сегодня день праздничный и в честь Женского Дня наш коллектив художественной самодеятельности даёт концерт. Кроме того, я участник самодеятельного вокально-инструментального оркестра, и все участники его, даже сержанты, будут в гражданской одежде, мы артисты...»

«Ну ладно, что с вами поделаться, выкрутились. Вы всегда найдёте выход из положения. Кроме того, я имею в виду Вашу постоянную форму – Подшофе. В Управлении мне говорили, что в этой области Вы большой дока. В этом плане Вас отмечали как вторую легенду Военно-топографической службы. Вы второй после капитана Чешека из поезда литографии».

Мне польстило сравнение с Игорем, тем более, несколько дней тому назад на праздновании дня Советской Армии в Доме Советской Армии произошло наше с ним знакомство. Выпили у стойки буфета по стакану горькой, не клялись в вечной дружбе, но договорились встречаться. Как дальше складывались наши отношения с Игорем, предмет интересного рассказа, но об этом позже.

5.

Распрощавшись с подполковником Сазоновым, иду в клуб части. В нашей комнате, где мы собирались и репетировали, ребята уже все в сборе:

Коломбина – у фортепьяно, Витя Букатич – с контрабасом, Валера Галицкий – с саксофоном, и Юра Подгорнов у ударных. Я тоже играл на ударных, и мы с Юрой договорились заменять друг друга во время концерта и танцевального вечера.

Начали репетировать. Для разминки прогнали «Прощание славянки», сыграли «Марш топографов». Валя Ходорик и Люда Туркова спели песни, которые они вечером исполняют на концерте. Начали репетировать танцевальную музыку: – вальсы, фокстроты, танго, твист, рок-н-ролл и другие. Так в репетициях и прошла половина нашего дня. Прерывались только на обед. После обеда вся концертная бригада снова собралась в клубе, провели генеральную репетицию, прогнали весь концерт, получилось неплохо. После репетиции все разошлись по своим местам, офицеры-холостяки в общежитие, Валя, Люда, Лира и Андрей Ересько пошли по домам, курсанты – в казарму. Все ждали вечера, как удасться концерт и вечер вообще.

День восьмое марта праздничный, нерабочий. Участники художественной самодеятельности вновь собрались в клубе части. Занимались доводкой и прогоном тех номеров, которые нам казались недостаточно отточенными. Так проработали мы до четырёх часов, после чего все пошли в общежитие немного отдохнуть.

В восемнадцать вечера весь состав артистов был в клубе части. Все желали друг другу хорошего выступления и отличного вечера. Наконец, наш руководитель ВИА Витя Букатич поднялся и провозгласил: «Ну что, ребята, пошли!» Все высыпали на улицу и направились в клуб пионерлагеря «Красная Звёздочка», где должен проходить наш вечер. Кавалькаду возглавляет секретарь комсомольской организации Валя Ковалёв и его гость из Иваново Эдик Лобяченко, проводящий в районе Звенигорода геодезические работы; между прочим, в Училище Эдик был моим подчинённым. Идти до клуба пионерлагеря целый километр. С шутками, прибаутками, анекдотами тихонько продвигаемся к намеченной цели.

Директор пионерлагеря, подполковник в отставке Васильев. Он тоже служил в нашей части. Сейчас он в зависимости от части, то ему дают солдат или курсантов для проведения хозяйственных работ, то предоставляют автотранспорт для перевозок различных грузов. Поэтому он не мог отказать командиру части в предоставлении помещения клуба пионерлагеря для проведения праздничного вечера.

6.

В пути нас сопровождают наши почитатели – курсанты наших рот: Ермохин, Кербунов, Окунев и другие. Они по очереди несут наш инструмент. Проходим КПП части. Одноэтажное серое здание из кирпича. Дежурный по КПП сержант Павлов из роты топографического обеспечения приветствует нас, делает под козырёк и желает успехов в проведении вечера.

Справа два четырехэтажных офицерских дома, мы называем их высотками. До этого офицеры и сержанты сверхсрочники – «сундуки», как их называли,

проживали в двух бараках, одном двухэтажном доме и нескольких одноэтажных коттеджах. Из окон офицерского дома, что рядом с забором части, выглядывают женщины, наши боевые подруги, приветствуют нас. Настроение весёлое, праздничное.

Слева медицинская часть, белое одноэтажное здание типа украинской мозаики. Сюда в своё время меня на двое суток заточил командир части полковник Волжанкин за трехдневное отсутствие в части во время учений. Затем в сопровождении капитана Мозгового меня отправили в Алёшкинские казармы отбывать десять суток, которые вlepил мне начальник Управления Военно-топографической службы генерал-лейтенант Николаев. Это всё лирические отступления, а сейчас мы проходим помещение картографической части, где я служу.

Справа помещение картсклада, где начальником подполковник Однопозов и работают здесь жёны офицерского и сержантского состава части. Слева – кочегарка, и вот мы уже на территории пионерлагеря.

Курсанты отдали нам инструменты и удалились в казармы. Мы вошли в клуб и расположились на сцене. Внизу стояли накрытые и сервированные столы. Между ними суетились Валя Ходорик, Капа Исакова, Валя Булавина – наши активистки. Они продолжали украшать столы, а ведь Валя – участница нашего концерта, и ей пора готовиться к выступлению. Мы с ребятами расселись на сцене, настроили инструменты и заиграли танго «Куст сирени», модное в 30-е годы, но и сейчас оно слушалось очень хорошо, тем более под него хорошо танцевалось. Потом заиграли фокстрот «Цветущий май» – это так называемая наша разминка.

7.

Вечереет. Начинают прибывать офицеры и сверхсрочники со своими боевыми подругами. В фойе шум, гам, смех. Пришедшие раздеваются и проходят в банкетный зал, где накрыты и сервированы столы. Мы прекратили играть, закрыли занавес и стали ждать заветного часа. До него осталось не более тридцати минут. Валера Галицкий посмотрел в отверстие в занавесе и начал комментировать происходящее в зале.

Пришел полковник Волжанкин, бывший командир части, с женой Александрой Ивановной и с дочкой Людмилой. Она регулярно посещает вечера в части. Девица на выданье, ищет свою половинку. Может быть, в институте, в котором она учится на четвёртом курсе, у неё кто-нибудь есть, а сюда ходит она, чтобы скоротать время и немного развеяться. Появился подполковник Сазонов, новый командир части, в гордом одиночестве, так как не успел перевезти семью с предыдущего места службы.

Вот и начальник штаба части Филаретов с женой, подполковник в парадной форме со всеми регалиями. В годы войны подполковник служил в 39-м Рижском моторизованном топ-отряде, в котором служили мы с Вадимом в начале 60-х годов. Появились старшины: Исаков, Бондарев, Андрей Ересько с женой Лирой, которые тоже являются участниками нашей самодеятельности. Пришел Коля Дубов с подругой, Коля ? и Саша Бондарев – мастера спорта по городкам. Они довольно часто выступают в соревнованиях по Звенигороду, Одинцову и Генеральному штабу армии, отстаивая честь нашей военно-топографической службы.

Гости заполнили зал, расселись за столиками. Пригласили нас за столик у сцены, накрытый специально для оркестрантов.

8.

Пора начинать. Жаждающая публика заплодировала. Вступительным словом вечер открыл заместитель командира по политической части подполковник Хлопотин. Он поздравил всех женщин с их традиционным праздником и пожелал больших успехов в личной жизни и труде. Наши женщины работают на картскладе, где командиром подполковник Однопозов. Замполит, естественно, коснулся трудовых успехов, выделил и поздравил победителей Социалистического соревнования. Особо отличившиеся работницы наградились почётными грамотами от имен начальника ВТС и командира части, которые тут же им были вручены. Многим нашим боевым подругам объявлены благодарности. Закончил свою речь замполит на высокой ноте – стихами:

Советская женщина,
Женщина мать,
Сестра и жена,
Или просто знакомая,
Свободна, как ветер,
Чудесна, как сад,
Любви, уваженья достойная.
Подруги наши дорогие!
Вас поздравляем
С Праздником Весны
И от души желаем

Вам, родные,
Чтобы прекрасными всё время были Вы!

Вадя заметил: «Между прочим, он свои стихи читает». Я тоже слышал, что замполит увлекается стихами и пишет их.

Публика повскакала с мест, закричала «Ура!», зааплодировала. Вверх взметнулись бокалы с Шампанским, все выпивали за Праздник Весны – Международный Женский день – и поздравляли женщин.

9.

В зале закусывали, разговаривали, шутили, разгорячённые бокалом шампанского и первыми рюмочками водочки. Женщины-топографини, картографини не отставали от своих первопроходцев, которые всем горячительным напиткам предпочитали водочку, хотя пивали в трудные времена всё что горит, шипит и пенится. В походных условиях, в которых каждый из нас побывал; выбирать не приходилось, – пили, что было.

Естественно, съедобное. А топографини, геодезини почти всегда сопровождали своих воинов на полевых работах. Пили вместе и с мужиками, по принципу: «Им меньше достанется, да и нам кое-что перепадёт».

Следующий тост провозгласил наш ловелас, заместитель командира по хозяйственной части подполковник Шестаков: «За любовь, за воинскую дружбу». Его поддержали дружными криками «Ура!» и бурными аплодисментами. Публика продолжала выпивать и закусывать.

К нашему столику подошёл замполит: «Настало время показать Ваш концерт».

Мы поднялись на сцену, расселись, и наш квартет сыграл вступление: «Марш военных топографов», вернее его припев. Музыку сочинил майор Сайджаков, начальник оркестра нашего Военно-топографического училища, автор текста неизвестен, в таких случаях говорят – слова народные.

Топографы, Землепроходцы!
Всегда в походе мы,
Всегда в пути.
Пусть песня птицею

Над нами вьётся,
Ведь с нею легче
По Земле идти.

Дружно пели мы наш марш, зал нам подпевал, так что вместо квартета получился прекрасный хор. Конферансье, наш вечный спутник Витя Савин, объявил первый номер: «Выступает Валя Ходорик с песней «Надежда». Её прекрасно исполняла Анна Герман, но наша Валя тоже неплохо её спела.

Бурные продолжительные аплодисменты были достойной похвалой её исполнению. Вторая песня из репертуара Майи Кристаллинской «Нежность» также была принята на «бис», и Вале пришлось её повторить.

Затем на сцену вышли мы с Вадимом с пародиями на западный образ жизни. Он с аккордеоном, так что мы выступаем с музыкальным сопровождением.

Он: «Покупайте утюги из пластмассы».

Я: «Удар таким утюгом по голове безвреден и безопасен для жизни».

Он: «Для травли мышей и крыс покупайте порошок «Steels».

Я: «Именно этим порошком знаменитая красавица Бритни Спирс отравила своего третьего мужа».

Он: «Вчера студенты Калифорнийского университета устроили интереснейшее состязание, кто высунется дальше всех из окна двадцать второго этажа».

Я: «Победил некий Билл Джойс, он высунулся дальше всех».

Он: «Похороны победителя состоятся в четверг».

Конферансье объявляет «Цыганский танец», с которым выступит Александр Агранович, солдат роты топографического обеспечения части. Александр, переодетый в цыганку, под залихватский мотив «Очи чёрные» лихо отплясывал танец. Наградой ему были бурные аплодисменты зрителей. Курсант Ветчанин выступил со своим стихотворением: «Март», написанным специально к этому вечеру:

Ещё вчера мела метель,
Снежинки в воздухе кружились,
И, словно в чистую постель,
На поле белое ложились.
Сегодня на улице слышна капель –
Песни поют воробьи, заливаются,
Ожили птицы, теплей им теперь,
Март на дворе, им весна начинается.
В самом начале прекрасной поры
Есть один день – то восьмое число.
Женщин мы славим, о них говорим,
И растекается в сердце тепло.
Милые женщины, вас поздравляем!
И в этот день от души мы желаем:
Счастья и Радостей, множества лет,
Да не угаснет Звезды вашей свет!

В зале бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Игорь Ветчанин, смущенный, но довольный, покинул сцену. Он не ожидал такого приёма. Витя Савин объявляет следующий номер: «Выступает Людмила Туркова с песней «Ландыши». Людмила – жена Толи Туркова, а с его родным братом Леонидом я два года учился в одном классном отделении, и он часто во время отпусков заезжал ко мне в Рублёво.

Люда вышла на сцену в прекрасном бордовом платье, которое, по слухам, специально сшила для этого вечера.

«Ландыши, ландыши, светлого мая привет!» – неслось со сцены. «Ландыши, ландыши, белый букет!» – подхватила публика. Песня майская, но имела огромный успех у зрителей. Они наградили Люду бурными продолжительными аплодисментами.

Далее конференсье объявляет: «Выступает с фокусами Виталий Тында». Когда-то он учился в моём взводе вместе со своим младшим братом. А отец братьев, тоже топограф, боевой товарищ моего бывшего начальника подполковника Гримайло, с которым мы служили в ПКЧ. Виталий показывал несколько карточных фокусов, потом показывал фокусы с исчезающими и вновь появляющимися предметами из чёрной шкатулки. И пик номера – «шапокляк», шляпа, из которой он доставал разные предметы и, в конце концов, вытащил метров десять разноцветных лент. Зал стоя приветствовал иллюзиониста.

Валера Галицкий исполнил пародию на короля рок-н-ролла Элвиса Пресли и его песни. Выступал он в яркой рубашке апаш с различными фигурками на ней, в джинсах, в тёмных очках.

Рок, чок, чок, чок –
Парень очень недалёк,
Если он танцует рок...

«Рок, чок, чок, чок...» – с прихлопыванием неслось из зала.

На этом номере концерт закончился. Конференсье поблагодарил всех зрителей за тёплую встречу самодеятельных актёров и пожелал прекрасно провести праздничный вечер. «После десятиминутного перерыва начнутся танцы, прошу всех приготовиться» – объявил Витя.

Занавес закрылся.

10.

После десятиминутного перерыва конференсье вышел на сцену и объявил первый танец – вальс «На сопках Манжурии», причём объявил его белым – приглашают дамы.

Танцевать публика шла вяло, плохо разогрелись и пока стеснялись. Что тут стесняться? Мы ведь, как одна семья...

Самой смелой оказалась Валя Булавина, жена майора нашей картографической части Владлена. Она выбрала себе партнёром Андрея Андреевича Филаретова, начальника штаба нашей части, и тот довольно смело повёл Валу в центр танцевальной площади, и вот они уже кружат...

Женщины, воодушевлённые смелостью первой пары, начали выбирать кавалеров, и вот уже все кружатся в чудном танце. Со сцены было впечатление, что вращается танцевальная площадка.

Меня у ударной установки сменил Юра Подгорнов и, видно, соскучившись по инструменту и по работе, лихо отбивал такт. Все играли с большим энтузиазмом и по окончании танца были награждены бурными аплодисментами.

Танцевальный вечер набирал обороты. За вальсом последовал фокстрот, что очень понравилось старшему поколению. Молодёжь уже подавала заявки: рок-н-ролл, твист. Но замполит строго следил за качеством музыки, её репертуаром.

Победила молодость, и оркестр заиграл «ленинградский рок-н-ролл», который с большим успехом исполняет вокально-инструментальный ансамбль «Браво», и он хорошо звучит в исполнении Жанны Агузаровой.

Следующий номер танцевального вечера – Летка-енка. Все встали паровозиком и запрыгали зайчиками. Полетели шутки, раздался смех.

Публика ожила и начала по-настоящему веселиться.

Оркестранты «лабали» как профессионалы. Тон задавал Вадя за фортепьяно, да и Валера за своим саксом выделял такие штучки, что без улыбки на него невозможно было смотреть. Витя вертел контрабас, как земную ось... Народ разогревался без «керосина».

11.

В это время нашего автомобилиста лейтенанта Мишу Молчанова, маленького мальчика ростом 185 см, крепкого телосложения, осенило. Он вскочил на стул, поднял вверх бокал с шампанским и провозгласил: «Друзья, пора выпить за наших доблестных подруг – топографинь, картографинь, а потом продолжать веселиться». Молодёжь дружно вскинула вверх руки с бокалами шампанского и осушила их.

Среднее поколение, и старшие товарищи не возразили, стали с шумом выдвигать стулья – кавалеры усаживали дам, разливали им шипучую влагу и стоя поднимали бокалы за своих подруг.

Бессменный секретарь партийной организации первой учебной роты Василий Алексеевич Исаков взметнул бокал и провозгласил: «3-3-за – милых дам!» Наш контрабасист Витя подметил: «Он уже хорош, еще немного, и его можно выводить.» «В люди» – прокомментировал Вадя.

В зале послышался звон бокалов, после чего наступила тишина. Все дружно заливали искрящуюся влагу в тела, разгорячённые танцами. После этого публика дружно закусывала.

Мы тоже сели за свой столик, пропустили по стопке водочки и приступили к трапезе.

Стол сервирован и накрыт замечательно, здорово постарались наши активистки. На столе красовался салат оливье, без него никогда не проходили наши вечера, рыбка красная, белая. Икорочка красная, чёрная и «заморская» – баклажанная, на которую все налегали с большим удовольствием, не говоря уже о колбасах, копчёностях, сырах и другой снеди.

Мужчины пытались закурить, не отходя от своих столиков, но Константин Николаевич, наш бывший командир части, пресёк эти поползновения и отправил курильщиков в фойе. Оттуда в тот же момент послышались смех и аплодисменты. Это Василий Алексеевич начал свой коронный номер,

рассказывал анекдоты, которых он знал тысячу, если не больше, исписал ими несколько блокнотов. Рассказчик был он прекрасный и, несмотря на сильное подпитие, доводил до слушателей свои истории с большим искусством и артистизмом.

В курилке появились дамы. Боевые подружки потеряли своих благоверных и пришли за ними. Разгорячённых шампанским и водочкой, их вновь потянуло на танцы.

Мужчины подчинились своим подругам и вошли в зал. Оркестр занял свои места и заиграл старое танго – «Куст сирени». Все с большим удовольствием, услышав замечательную музыку, вошли в танцевальный круг и начали танцевать.

Молодые девчонки, солдатки, находились здесь на правах сверхсрочников, даже жили они не в казарме, а в общежитии, в двухэтажном офицерском доме, находящемся на территории части рядом со штабом. Девочки так и косили глазками на молодых лейтенантов – Саню Емельянова, Мишу Молчанова, Володю Драндера и других, не оставляя вниманием при этом и старую женатую гвардию и выискивая партнёров для танцев, но жёны довольно крепко держали своих суженых, и ничто бы не заставило их отпустить от себя своего благоверного.

12.

Появились первые пьяненькие. Это Василий Алексеевич и Андрей Ересько. Обнявшись, они начали вечную пьяную игру: «Ты меня уважаешь?»

В это время Лира Ересько, жена Андрея, очень интересная особа с хорошим голосом и артистическими данными, хотела спеть с ним дуэтом несколько украинских песен. Но Андрей «перебрал», а самостоятельно у неё что-то не ладилось, и, плюнув в сердцах на пьяного мужа, она пошла танцевать с Владимиром Булавиным и, надо сказать, расшевелила несколько замкнутого майора.

Вечер был в полном разгаре, стали сбиваться пары. Слава Марущак уединился с Зиной, младшим сержантом сверхсрочной службы, работающей в мед. части отряда, очень интересной девицей.

В это время Ольга, жена Марущука, захотела танцевать, и именно со Славой. Пошла его искать и где-то в углу застучала парочку. Назревал скандал. Танцы под оркестр закончились. Кое-кто, не обращая внимания на происходящее, продолжал выпивать, несколько пар танцевали под радиолу.

Марущуки покинули помещение клуба, и можно было представить, что будет дома. Такие стычки бывали у пары частенько. Слава относился к категории молодых людей, которые ни одной юбки не пропускают. Сам с Украины, роста выше среднего, черноволосый, с красивыми карими глазами и чёрными усами, которые ему очень шли.

Так что наши девочки, военнослужащие, несмотря на то, что он женат, засматривались на него и не прочь были остаться с ним наедине.

Ничего, что ты женат,
Милым называю,

За могучу твою статью,
И с тобой желаю
Вечера встречать с Луной
И в ночи гулять,
Говорить тебе: «Ты мой»,
Твоей милой стать.

Прочитала своё стихотворение военнослужащая Катя, которая занималась стихотворчеством и которая тоже, видно, была неравнодушна к Славику.

После всех этих инцидентов подполковник Сазонов подозвал замполита Хлопотина и сказал ему, что пора закругляться. Хлопотин подошёл к нам и попросил сыграть марш «Прощание славянки». Вёл мелодию на фортепьяно Вадя, так как хорошо знал её, Валера, Витя и Юра подыгрывали.

Публика начала расходиться. Офицеры в фойе одевали дам. Саша Бондарев и Коля Дубов взяли под руки Василия Алексеевича и так следовали до офицерского дома в котором он жил.

Миша Молчанов и Коля Коржуев взяли Андрея Ересько и тоже повели его домой. Сзади шла Лира и хриплым голосом напевала «По тундре, по широкой дороге!» Вероятно, ей жалко было, что она не спела на эстраде. А сейчас она хотела немного разрядиться, и это у неё получилось. Андрей несколько протрезвел и завёл украинскую песню «Хлопцы, чьё вы будете?»

13.

Народ разошёлся. Остались одни мы, оркестранты, а также Миша Молчанов, Коля Дубов и три девочки сверхсрочницы.

Всё, что осталось от вечера – спиртное, закуски – снесли на один стол, придвинули к нему второй, сервировали и всей компанией уселись продолжать празднование.

Обстановка создалась более свободная и спокойная. Ещё раз выпили за женщин, за их праздник.

Завели радиолу. Мы продолжали веселиться. Неожиданно появился Хлопотин: «Это что за посиделки такие? Ну-ка быстро собрать спиртное и вынести отсюда. Сейчас придут уборщики-курсанты и, представляете, что здесь будет? Самим Вам пора идти в общежитие, отдыхать, завтра рабочий день».

Мы забрали с собой, что могли унести, взяли инструменты, хорошо здесь оказались наши поклонники – Кербунов, Потапов, Ветчанин и другие курсанты, которые помогали донести груз до клуба части.

Заведующий клубом, старший лейтенант Остапенко, отдал курсанту Кербунову ключи от музыкальной комнаты. Мы сложили инструменты и пошли в общежитие. Кое-кто из ребят уже лёг отдыхать.

У стола остались Коля Дубов, Вадим, Юра Стрюков, Миша Молчанов, которых одной бутылкой с ног не свалить.

Немного посидели за холостяцким столом и тоже начали укладываться. Уже пробило двадцать четыре часа, и наступил новый день – рабочий.

Для маленьких военных городков характерна семейственность. Все живут одной семьёй, одной семьёй и работают. Правда, иерархия строго соблюдается и среди жён офицеров.

Высшую инженерную должность на картскладе занимала Александра Ивановна Вожанкина – жена бывшего командира части, которого сменил подполковник Сазонов. Ну и жёны остальных офицеров занимают должность, соответствующую должности мужа. И в женсовете части лидером всегда была Александра Ивановна.

Как правило, коллективы малых гарнизонов крепки, дружны и, если кому-то нужна помощь, помогут.

Ребята уже спали. Я выключил свет и тоже лёг. Засыпал я медленно, думал, как побыстрее сдать имущество и смотаться из этого надоевшего мне мирка. Сразу вспомнилось старое стихотворение, написанное три года назад:

Ну что, «Швейцария», прощай,
Придётся нам с тобой расстаться,
Мне ничего не обещаю...
Я в общем-то не прочь остаться:
Здесь недалёк родимый дом,
Мои родители, родные,
А на пригорке вот на том,
Люди живут, но не такие,
С какими жить бы я хотел,
Работать, уставать от дел,
Открытым быть,
И мог бы смело
Любую правду говорить,
Но разве только в этом дело?
Ведь здесь прослыл я чудаком,
Скандалистом, пьяницей, хулиганом,
А кто здесь трезвенник, ну кто?
Хотя никто по части пьяным,
Как я однажды, не ходил.
И не шумел, и не скандалил.
Сдержаться не нашёл я сил,
Вот потому и хулиганил.
И, расставаясь, ухожу
Не в мир иной –
Мне с детства чужды эти мысли.
Пусть тяжело, я не в раю,
Не вешай голову, а выше,
Её ты выше поднимай,
Не надо слёз, слеза – водица,
И знай всегда, что отчий край
С тобой навечно не простится.

Но расстраиваться не стоит, что ты хотел, то ты получил – «Неполное служебное соответствие и увольнение из СА», другого пути не было. Как всё сложится в дальнейшем, никто не знает, но человек всегда надеется на лучшее. Так же думал и я, но пора спать. Пытаясь заснуть, вспоминал слова Славы Чернова – капитана из экспериментальной геочасти, сказанные им мне несколько дней тому назад: «Торопись с увольнением, в ПНИИИСе тебя ждут, я разговаривал с директором института Евгением Васильевичем Громовым по этому поводу». Поэтому передо мной стояла задача – быстро сдать имущество и инструменты, числящиеся за мной, и устраиваться на работу.

Чтобы быстрее заснуть, воспользовался маминым способом – считать слонов. Досчитал до двести сорок пятого и заснул.

14.

С трудом поднимаемся, уже семь часов, делаем некоторое подобие физзарядки, так как все довольно квёлые, умываемся и за стол. Наливаем по сто граммов для похмелки, закусываем и на построение.

Надо сказать, офицеры и старшины были несколько помяты, вечернее бдение дало о себе знать.

Новый командир отряда, подполковник Сазонов, сам, вероятно, чувствовал себя неважно, быстро свернул построение и приказал всем отбывать к местам занятий. Сам со всеми старшими командирами направился в сторону штаба.

Некоторые командиры взводов отдали приказание по проведению занятий младшим командирам и «удалились в сторону моря». Коля, Миша и я не имели подчинённых, поэтому мы, как партизаны, стали пробираться к западному забору и через дырку вышли к склону горы, по которому спустились к магазину в деревне Ягунино. Здесь оказались и командиры взводов во главе с Гришей Матвиенко – командиром первой учебной роты, он жил в Ягунине, и вся компания из семи человек ввалилась к нему в дом, естественно, зарядившись «горючим».

Долго рассиживаться не было смысла, так как могли кого-нибудь хватиться и могла погореть вся компания. Но пока всё шло нормально – тосты за дам, за воинскую дружбу и другие. Посидели, поболтали, побалагурили, рассказали несколько анекдотов и стали расходиться.

Уже наступило время обеда. Женатые обедали дома. Мы, холостяки, Коля, Миша, я и другие, если не ездили в город в ресторан или столовую, обедали в солдатской столовой, за это мы платили двадцать рублей в месяц.

В этот день мы обедали в столовой части. Кормили терпимо, так что голодными не ходили. Миша Молчанов, рост которого метр восемьдесят пять сантиметров, всегда просил добавки, ему не отказывали, так что на голодающего он похож не был.

После обеда у курсантов прошла самоподготовка, и начались политпросветительные мероприятия, которые проводили заместители командиров рот по политической части – Кумсков, Стрюков, Ганичев, остальные офицеры подались в Звенигород в кино, на танцы, просто посидеть в ресторане.

Автобус, увозящий и привозящий офицеров, живущих в городе, и учащихся, на этот раз был полон за счёт дополнительного отъезжающего состава.

Коля, Миша, я зашли в один дом, где хозяйка Лида всегда тепло нас принимала, и у неё здесь были подружки, как будто нас поджидавшие. Мы поздравили девочек с их Праздником, ну и, естественно, началось празднование.

Долго не засиделись, чувствовалась усталость и напряжение этих дней. Распрощались с девушками и пошли на остановку 23-го автобуса. Пришли довольно удачно, народ грузился в автобус.

Через полчаса мы сидели в общежитии, каждый занимался своим делом, в то же время мы не забывали принимать лечебные пятьдесят граммов.

Наконец, и нас погнал Морфей по койкам. Так прошли женские праздники. Я быстро заснул и не слышал, как возвратились остальные ребята.

Утром я зашёл к Толе Туркову и взял у него офицерскую форму, которая пришлась как раз по мне. Не хотелось ходить по части в гражданке и встречаться с Сазоновым, видеть его злющие взгляды.

Переодевшись в военную форму, я начал потихонечку сдавать числящиеся за мной материалы, инструменты и оборудование. На склады части идёшь с километр с рядом вещей, обратно пустой, и опять туда гружёный, как верблюд, обратно пустой.

В среду съездил к родителям, из части каждый раз звонил им. Рассказал им о концерте и о том, что сдаю имущество, числящееся за мной. На этом они успокоились и стали ждать моего скорого приезда.

14 марта подполковник Сазонов подписал приказ о моём увольнении из части. Вот и закончилась моя служба в Советской Армии. Несмотря на суровый приговор – «Неполное служебное соответствие», я был доволен: я свободен, как птица. А как сложится жизнь, ещё посмотрим. Думаю, что хуже не будет...

15.

Коля Дубов заказал такси. К 18.00 оно стояло у нашего подъезда.

Грузимся: – Коля, Миша, я. Взмахи рук провожающих, и мы поехали.

Выезжаем на шоссе Звенигород-Каринское. Десять минут, и мы в Звенигороде. Остановились у столовой за кинотеатром, в которой постоянно обедали, если не кушали в солдатской столовой или на втором этаже в ресторане.

Выпили на дорожку, и я сажусь в машину. Дома меня ждали мама и папа. Написал прощальный стих:

«Швейцария», прощай,
Прощай, «Сопка Любви».
Мне ничего не обещавай,
А если буду приезжать –
То обласкай и не гони.

Усаживаюсь рядом с шефом. Прощальный взмах рук и пожелание
“Доброго пути”.

Такси тронулось, дорога побежала назад, я ехал в неведомое.

Неведомое, ты страшишь
Нас и манишь,
Хотим и боимся
К тебе подойти,
Сердца наши ранишь,
Взволнованы мы,
Осторожны шаги.
Подходим к тебе насторожённо:
Не маги, не знаем,
Что пишется в книге судьбы,
Быть может, мы встретимся по-хорошему,
Или накличем немало беды.
И беды на нас
Со всей силой
Обрушатся,
Как кара на предков
За съеденный плод.
Не знать бы тебя – это лучше,
Но надо всё знать,
И неважен исход.

Неведомое ожидало меня в Москве, но оно меня особенно не волновало.

Здесь был мой крепкий тыл – мама и папа.

Так что – вперёд к новым свершениям. Кроме того, Вадик сказал, что
Игорь Чешек в феврале уволился и поступил работать на должность
инженера в ПНИИИС, где ждут и меня.

С Игорем мы познакомились 23 февраля 1969 года в Доме офицеров
Советской Армии на торжественном вечере, посвящённом дню СА. У
буфетной стойки выпили на брудершафт, так как почувствовали взаимную
симпатию друг к другу.

Потом мы встретились с ним в конце 69 г. и прилично выступили у его
знакомых в Гороховском переулке рядом с МИИГАИКом, в котором я
учился.

Месяца четыре мы с ним не виделись, а теперь предстоит новая встреча.

Какой она будет? Я верил, что доброй.

Но это завтрашний день.

К тебе спешу,
Как на парад
И встрече, я скажу,
Я рад.

Июль 1971 г., Рублёво

Пьянству бой

Рассказ

1.

Сильный удар в голову отрезвил его. Он приподнял повисшую после удара голову и увидел перед собой их, вернее, одного из них. На него смотрели наглые смеющиеся глаза... «Что очнулся? Раздевайся, раздевайся, да побыстрее, а то мы и так с тобой слишком задержались».

Луна осветила этого парня, высокий – метр восемьдесят, лет двадцати шести, крепкого телосложения; бледное лицо, вероятно, виновница бледности – луна. Прямой нос, крупный, лопатообразный подбородок... Настоящий супермен из детектива.

Резкий, будто ещё один удар, низкого тембра голос вывел его из состояния невесомости, которое обычно испытывает накаутированный боксёр.

«Помоги мальчику снять куртку». Слева кто-то хихикнул.

Лишь сейчас он ощутил, что за левую руку его держат крепкие руки и стаскивают куртку. меховой кепки и мехового шарфа на нём уже не было, часов тоже.

Мысль заработала лихорадочно, «Что делать? Кричать» – получишь ещё один удар. Бежать, но как и куда? Эта братия, вероятно, знает здесь все проходы, недаром они так спокойны. Взволнованы лишь долгим раздеванием пьяного человека.

Он твёрдо решил бежать, выкинул руки в стороны, попал одному в лицо, в грудь другому и ногой в колено стоявшему напротив...

И увидев людей, автомобили на улице Чкалова, бросился туда бежать из под арки, из которой можно попасть в Лялин переулок, а там находилось двадцать шестое отделение милиции.

Бегал Виктор, так звали юношу, хорошо. Прекрасный спортсмен, он имел второй разряд по лёгкой атлетике, первый по лыжам и третий по гимнастике.

Он выбежал на улицу и приостановился. Погони не было. Спустился в подземный переход, через улицу Чкалова, прошёл его, поворот налево и вход в метро «Курская»-радиальная. Вошёл в вестибюль, достал единый проездной билет и прошёл через турникет. Его пустили, удивившись, естественно, его виду, но махнули рукой... Вероятно, от холода и нервного напряжения протрезвел, и это его выручило.

Дверь в пункт милиции закрыта, и милиционеров не видно. На этот раз правый поворот, и он на эскалаторе, который спустил его на платформу.

Подожёл поезд, он вошёл в вагон. Народу было немного, и он сел на свободное место. На него обратили внимание, но ненадолго. Он закрыл глаза, чтобы не видеть окружающих и погрузился в свои мысли.

2.

Виктор, как и всегда, встал в шесть часов, сделал зарядку. Он постарался не разбудить маму, жили в однокомнатной квартире.

Принял душ, побрился, выпил кофе и стал собираться в институт. Учился Виктор в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии на пятом курсе заочного отделения. Сейчас он находился в учебном отпуске на весенней сессии.

Он вышел из дома и зашагал мимо дома номер девять на автобусную остановку. Пока шёл, родился стих:

Берёзка, милая, прощай.
Опять дорога... уезжаю,
Не надо слёз.
И ничего не обещаю,
Забудь печаль,
Меня в путь дальний провожая.
Как прежде, возвращусь сюда,
Как прежде, преклоню колени,
Поведаю, что повидал,
Присев в твоей радушной сени.

Берёзка стояла справа от дороги, по которой шёл Виктор. Она смотрела прямо на балкон их с мамой квартиры. А сейчас она провожала его и улыбалась вслед.

Он, уезжая в очередную командировку и работая в комплексной экспедиции треста «Оргпроектцемент» главным геодезистом, прощался с берёзкой. Вот и сейчас он приостановился, сказал «До свидания» и пошёл дальше.

Он повернул налево, и в глаза ему засветило яркое солнце, только вышедшее из-за Рублёвского леса. Виктор прикрыл глаза рукой и стал вглядываться в лица людей, стоящих на автобусной остановке, ища знакомых.

В посёлке, в котором он жил, у него было много родственников и много знакомых. Здесь Виктор родился, ходил в детские ясли и детский сад, учился в школе; многие его родственники, да и взрослые знали его.

3.

Автобусная остановка, народу много. Уместимся ли? – мелькнула мысль. Сейчас, правда, начали ходить «скотовозы», как народ окрестил двойные автобусы с гармошкой посередине. В них вмещалось человек восемьдесят. Подошёл автобус именно двойной, и Виктор прокомментировал:

Подошёл наш «скотовоз»,
Взял народ
И вдаль повёз...

Он вошёл в салон автобуса, огляделся, увидел в конце автобуса Валю Шевякова, с ним бегали на лыжах за «Спартак», и Марата Петрова, с ним он жил в восемнадцатом доме по Кировской улице до переезда на новую квартиру. Виктор кивнул ребятам, протискиваться к ним не стал, так как в этой толкучке это было невозможно.

Выехали на Рублёвское шоссе, у пункта ГАИ их приостанавливает гаишник, пропуская какого-то чинушу. Его автомобиль проехал, по сигналу регулировщика поехал и их автобус.

Метро «Молодёжная», западный вход. Виктор нырнул в зев метрополитена, проехал на эскалаторе, втиснулся в вагон поезда, доехал до станции «Калининская», сделал пересадку на станцию «Арбатская» и вышел на «Курской».

Он вышел из метро, сделал два поворота направо и остановился на остановке троллейбуса «Б» и сорокового автобуса. Но их нет. Не дожидаясь, пошёл пешком по улице Чкалова. «Земляной Вал», поворот на улицу Карла Маркса, и вот он, Гороховский переулок. Вот он, родной МИИГАИК. Встреча с Валерой Сысоевым, однокурсником, и они спускаются в подвал пивняка, где встречают Славу Соловьёва, тоже однокурсника. Выпили по кружке пива и пошли на занятия.

Довольные и сытые,
Идём в родной МИИГАИК.
Ребята, поглядите,
Нам институт мигает.

Сегодня учёбы шесть часов. Последние два часа – черчение. С этого занятия можно «сорваться», сделав побыстрее контрольную работу. Надо предварительно договориться с Наташей Барчуковой и Ларисой Матвеевой, если пойдут с ними в кинотеатр «Звезда», где идёт кинофильм «Весна», а затем в кафе-мороженое напротив Курского вокзала, то – порядок. Но не следует загадывать всё заранее, будь как будет...

4.

С девяти часов зачёт по экономической географии, сдаём профессору Петровскому. Первой пошла Таня Пересветова, смелая девочка. Виктор работал с ней в ПНИИСе, который располагался в помещении церкви Николая Угодника. Через пятнадцать минут Таня выходит – отлично. Заходит Виктор. Билет номер 6 – заводы минеральных удобрений на Урале.

Плавал, плавал, приплыл – трояк.

До занятий по картографии целый час, занятия с Юлией Сергеевной Билич, профессором, замечательным педагогом.

Пока болтались по институту, зашли в спортивный зал, где проходит первенство ВУЗа по спортивной гимнастике. С часок посмотрели соревнования и пошли искать аудиторию, в которой будет проводить занятия Юлия Сергеевна. Нашли её в 206 аудитории. Она читала лекцию о видах карт, их проекциях, способах изображения на картах объектов местности. Всё это нам знакомо, но слушаем внимательно, так как сдавать экзамен нужно будет ей и надо знать её требования на экзаменах.

Следующие два часа – занятия в чертёжном кабинете. Проводит занятия Тамара Марковна Макарова. Предстояло вычертить на снимке размером пять на восемь сантиметров фрагмент топографической карты картографическим черчением. Для Виктора это не составило большого

труда, так как он всё время занимался топографическим черчением, картографическое – более изящное. Хорошо справилась с работой Наташа. Она в нашем «Оргпроектцементе» только и чертит. Трудновато пришлось Ларисе. Она работает лаборантом в нашем институте на кафедре геодезии и с черчением не связана. Но и она закончила работу в срок и получила зачёт. Хорошо справились с заданием Таня и Валера.

Шестнадцать часов. Все впятером пошли обедать в столовую, которая размещалась в подвальном помещении института. Там уже собралась очередь. Минут двадцать простояли, и вот уже у раздачи. Заказали обед и уселись за столик. Отобедали и пошли всей компанией в кино. Идёт фильм прошлых лет – «Весна» с Любовью Орловой, Николаем Черкасовым, Фаиной Раневской, Александром Пляттом и другими актёрами театра и кино.

Идёт «Весна».
Мы уплывем вдаль.
Актёрский изумительный ансамбль
Любви истории доносит нам.
Мы в восхищенье,
И у нас Весна,
И вдохновенно
Обнимает нас она.

Фильм посмотрели с большим интересом, от души посмеялись над персонажами Раневской, Плятта. Вышли из кинотеатра на улицу Чкалова.

Народу прибавилось, закончился рабочий день.

Зашли в кафе-мороженое. Оно буквально в двух шагах от «Звезды». Валера сбегал в гастроном на противоположной стороне улицы, взял водочки.

Первый этаж заполнен до отказа, на втором этаже столик кем-то заказан, но пока свободен. Договорились с барменом, сунув ему пятёрочку, и заняли столик. Условие – освободить его по первому требованию. Подходит официантка. Заказали бутылочку «Шампанского» и по два шарика пломбира, здесь он чудесный.

5.

Валера разливает водочку мальчишкам, Виктор – «Шампанское». Подняли бокалы за девочек, они довольны, улыбаются. Вдогонку за «Шампанским» Валера с Виктором выпивают по стопке водочки. Закусывают колбаской и мороженым. Взбодрились, пошли рассказы, анекдоты, смех, на душе свободно и легко.

За столиками в основном студенты. Разговоры о лекциях, о зачётах. А вот постоянный посетитель кафе, моложавый полковник-артиллерист. Попивает коньячок, угощает даму венгерским «Токаем». Улыбаются, довольные свободной обстановкой в кафе и вольной публикой.

Глядя на окружающих, Виктор на листочке написал несколько строк:

Кафе Свободы.
Люди беззаботны.

Сидят студенты, выпивают,
Что там за стенами,
Здесь забывают.
И рады все Весенним дням,
Которые напололам.

Лариса и Наташа зааплодировали, Виктор привстал и поклонился: –
«Спасибо, девочки».

Официантки снуют вверх и вниз. Вино, мороженное внизу. Ребята вновь наполнили фужеры шампанским, выпили, Валера с Виктором лакирнули водочкой. На десерт шарики пломбира – шоколадное и клубничное, вкусно, девочки довольны, улыбаются.

Тут Виктору захотелось выйти. Он извинился перед девочками и вышел. Зашел за киоск «Союзпечать»... и тут к нему подходят три человека с нарукавными повязками «Дружинник». Взяли под руки и повели вглубь квартала. Виктор начал сопротивляться, но чем-то ударили по голове, он, вероятно, потерял сознание... Затем второй удар и... начало рассказа...

11.03.73г., Рублёво

Первые шаги

Рассказ

«Школьные годы чудесные
Мы провожаем их песнями».
Д.Деревенский

1.

Солнце заглянуло в окно нашей комнаты и заиграло по стенам золотистыми зайчиками. Я проснулся и позвал ребят: – «Володя, Игорь! Вставайте, кончайте дрыхнуть, лежебоки. Это первое утро нашего первого свободного дня!»

Но ребята не ответили. Володя залез с головой под одеяло. Игорь приоткрыл глаза и проговорил: «Ну что ты орешь, Сашка? Легли вчера поздно, а сейчас только семь часов. Проснулся, занимайся своими делами, не мешай спать», и тоже закутался в одеяло.

Недоумевая, как они могут спать в такой день, я резко сбросил одеяло, встал, продел несколько гимнастических упражнений и вышел из комнаты. Несмотря на то, что солнце встало около пяти часов, было прохладно. Я поёжился, помахал для согрева руками и двинулся тропкой к калитке.

Хозяйка Мария Ивановна, у которой мы в течение трех лет снимали комнату, уже встала и возилась во дворе у временной печки, готовила завтрак нам и еду для домашних животных.

«Мария Ивановна, доброе утро!» – произнес я, подходя к ней.

«Сашенька, что ты не спишь? Ведь вчера гуляли допоздна, да и перед отъездом отдохнуть надо, хоть путь недалёк!.. Она не договорила, в чугушке закипела вода.

Я пошёл по тропке между ботвой картошки и другими овощами. Ко мне под ноги бросился Шарик, дворовая собачонка нашей хозяйки, неизвестной породы. «Дворняга» – говорят про них. Я погладил шуструю собачонку и зашагал через огород к калитке.

На улице никого. Перехожу её и сбегая по тропке к реке. Западная Двина здесь не широка, метров тридцать-сорок.

На берегу сидят рыбаки и в затончиках удят рыбу. Все они с нашей улицы. Поздоровавшись, быстро раздеваюсь и вхожу в воду. После ночи вода еще прохладна и обжигает тело. Сажёнками преодолеваю глубокое пространство метров двадцать, и вот я уже на мелком месте.

Здесь по пояс. Растерев тело, пошлёпав руками по воде, полюбовавшись веером серебристых брызг, отправляюсь в обратный путь. Вот и берег, выхожу... Расстеревшись полотенцем, укладываюсь на зелёной травке и устремляю взор в голубое небо, по которому кое-где с востока плывут белые-белые облака...

2.

«Сашка, ты что здесь развалился» – с шиканьем и визгом несутся вниз по тропке Володя и Игорь. «Идём купаться!».

«Купайтесь, ребята, я уже окунулся, вода хорошая» – сказал я и вновь посмотрел в голубую высь. Облака приняли вид античных фигур – Аполлона, Венеры, Купидона, Европы... Мгновение, и вновь они теряют форму и превращаются в различных зверюшек.

Снова от раздумий меня оторвали звонкие голоса ребят. Они наперегонки преодолевали глубину и вот уже на отмели затеяли игру. Шлёпая по воде ладонями, они обдавали друг друга фонтами брызг, да так, что между ними всеми цветами заиграла радуга и в миг исчезла, ребята прекратили брызгаться и направились к берегу. Они ложатся рядом со мной.

«Что ты, Саша, такой серьёзный?» – спросил Володя.

«Ребята! Ведь это первый день нового этапа нашей жизни за долгие десять лет учёбы, и сейчас надо наметить дальнейший свой жизненный путь».

«А что, ты так и не решил, что делать? Работать или учиться?» – спросил Игорь – «Всё переживаешь за свои тройки по языкам? Брось... Экзамены – это лотерея, может и повезёт».

«Повезёт тогда, когда есть твёрдая основа» – возразил я. «У Вас нет этих троек в аттестатах, да и Вы выбрали себе специальности и намерены учиться. Ну, собственно, хватит об этом, пошли завтракать. Вероятно, Мария Ивановна заждалась».

Мы встали, посмотрели на рыбаков, которые повернули головы в нашу сторону. Видимо мы им просто мешали.

«До свидания, дедули, мы начинаем новую жизнь! До свидания, Двина» – подумал я, шагая вверх по тропке.

«Счастливого пути. Удачи!» – понеслось нам вслед. И дедули замахали удочками, провожая нас в далёкий нелёгкий путь.

3.

За стол ребята уселись каждый на своё место. За три года проживания у Марии Ивановны каждый облюбовал себе место за столом и садился только на него.

Мария Ивановна подала блины, чудесные, тонкие, самое то. К ним сливовое варенье и сметану. Кто с чем хочет, с тем и ест. Подала и чай. Я пил крепкий. Володя и Игорь предпочитали пить чай с молоком.

За завтраком продолжалась беседа. Всё вертелось вокруг одного и того же вопроса – что делать дальше. Учиться или работать. Я сказал, что в этом году поступать учиться не буду, так как не определился с выбором.

Поработаю два года, чтобы потом поступать на льготных основаниях.

«Ты, Володя, хочешь поступать в Московский инженерно-строительный институт. Похвально, и специальность хорошая – строитель».

Вот я никак не выберу себе ВУЗ. Решено, иду работать. Слышал, что в Величкове стоит московская геолого-разведочная партия, и люди, вероятно, им нужны. Поработаю разнорабочим, а потом определюсь со специальностью, а вообще геолого-разведка меня всегда притягивала.

Поездки по различным регионом страны, городам, селам, деревням. Ночёвки в палатках, крестьянских избах – романтика. Два года в работе пролетят незаметно. Так что, видите, друзья, и я определился. А если

заберут в армию, тогда, отслужив три года, тоже буду поступать как льготник.

4.

Позавтракав и поблагодарив Марию Ивановну, мы начали собирать вещи в дорогу.

Автобус отходил от Андреапольского вокзала в четырнадцать часов. Сейчас девять, так что время есть.

Собирая вещи, разговаривали об учёбе, друзьях-одноклассниках и вчерашнем выпускном вечере.

Сначала была торжественная часть с выдачей аттестатов зрелости и пожеланиями хорошей дальнейшей жизни, учёбы, работы.

Многие, особенно девчонки, оставались работать в родных деревнях, в колхозах, в совхозах. Кое-кто собирался в Калинин, Торопец и другие города области на учёбу или на работу.

После торжественной части состоялся концерт художественной самодеятельности местной войсковой части. Артистов принимали с большим энтузиазмом.

Концерт закончился, и на сцену вышел самодеятельный эстрадный оркестр в составе аккордеониста, гитариста, трубача и ударника. Оркестр заиграл танго, зал оживился, выпускники составили пары и начали танцевать... Веселье длилось до двадцати четырех часов, потом выпускники пошли гулять по городу. От дома культуры войсковой части, где проходил вечер, пошли к мосту через Западную Двину в районе кинотеатра и далее к железнодорожному вокзалу. Побродив по центральной привокзальной улице, все стали потихоньку расходиться, многим нужно будет уезжать по своим постоянным местам жительства...

Подошло время обеда, Мария Ивановна собрала и поставила перед нами щи, картофель с котлетой и кисель. Всё было моментально съедено, мы здорово проголодались.

Поблагодарив хозяйку, мы вышли из-за стола, взяли свои вещи и двинулись к вокзалу, до которого пятнадцать минут ходьбы. Подошли к кассе, взяли билеты до Луг, где жил я. Игорь жил в Величкове, Володя в Амосове, и их путь до дома проходил через Луги.

До своего места доезжаю только я. Игорь и Володя продолжают путь пешком, если не будет попутного транспорта, что бывает не часто. Игорю идти два километра, Володе – четыре. Ребята привыкли к дальним переходам. Ходили в походы, занимались спортом – лыжами, легкой атлетикой, гимнастикой, играли в футбол.

Наконец, подошел ПАЗИК – небольшой автобус Павловского автомобильного завода. Пассажиры заняли свои места, и автобус тронулся с места и пошёл под горку к реке. «Поехали, поехали!» – крикнули мы: – «В новую жизнь».

Автобус переехал реку по мосту, повернул налево к дому культуры воинской части и запылил по дороге.

5.

Справа промелькнул продовольственный магазин. Минувя его, мы выехали за город и углубились в лес. Замелькали ели, берёзы, осины. Слева тянулось полотно железной дороги. Проскакиваем маленькие мостики на ручейках и речушках. Проехали по мосту над речкой Нетесьмой. Ширина её здесь метров тридцать.

Наконец, долгожданная остановка – Луги. Мы сходим. Автобус помчался дальше.

Церковь, изба-клуб, школа, в которой мы учились семь лет, – как это было знакомо!

У остановки нас окружили босоногие мальчишки, розовощёкие, упитанные. Это братья Петровы. Их четверо, мал-мала меньше.

Отец ребяташек работает в лесничестве рабочим, мать трудится в местном совхозе. Родители на работе, а мальчишки предоставлены сами себе. Целый день бегают по улице, ходят в лес за ягодами. Здесь в изобилии малина, брусника, клюква.

В обеденный перерыв вся четвёрка подтягивается к маслозаводу с краюхами чёрного хлеба. Им после отгонки молока наливают по литровой банке обрат. Они садятся на завалинку избы, именуемой маслозаводом, и с удовольствием съедают хлеб и напиток.

Здесь на центральной площади под церковью мы расстаёмся. Ребятам идти по своим деревням. Хорошо, будет попутка, но это бывает очень редко. Главная надежда – «одиннадцатый номер», он не подведёт.

Мы простились с ребятами, и они зашагали к своим домам по дороге мимо церкви и избы культуры, которые соседствуют. Как говорят: «Кто, кого?» Победила «культура», церковь в настоящий момент – это склад совхозного имущества.

Ребята скрылись за пригорком, а я пошёл домой, меня ждала мама.

6.

Дом наш на две семьи стоял рядом со школой. У нас в нём было две комнаты – мамина и моя, папа ушёл от нас (умер) в июне 1970 года.

Перед домом огородик. Мама работала в школе преподавателем немецкого языка. Несмотря на это, я имел «удовлетворительные» оценки по языкам: – русскому и немецкому, по остальным предметам я учился хорошо.

Мама была дома, но не вышла меня встречать – болела сломанная в юности нога, а при погоде, установившейся во второй половине дня (тучи, ветер, дождь), давала о себе знать. Мама с трудом ходила по комнате.

Я вошёл. «В горнице», которая служила маме спальней и кабинетом, было светло и уютно, несмотря на ненастную погоду. Мы обнялись, расцеловались. «А вот и я, здравствуй дорогая, теперь нескоро мы расстанемся, попытаю счастье у геолого-разведчиков, что стоят в Величкове, заработаю два льготных года для поступления в учебное заведение, а потом определюсь, как быть дальше». «Твоё дело, сынок, себе и своим действиям ты хозяин, а теперь с дороги надо перекусить» – сказала мама.

Я поставил вещи в свою комнату и пошёл умываться в сени. Сели за стол. Пирожки с капустой, мои любимые. Щавелевые щи, на второе овощное рагу с мясом и компот.

После обеда я завел себе правило полежать часочек, подремать. Вот и сейчас я вошел в свою комнату, лег на кровать и сразу уснул.

7.

Ровно через час я проснулся, умылся и вышел на улицу. Пошёл в сторону церкви. Церковь давно не действует и служит складом совхозного имущества.

Не встретив одноклассников, пошёл дальше на юго-восточную окраину села. На улице встречались люди, старшие по возрасту, но они были мне знакомы. Я со всеми здоровался, так уж заведено в сельской местности.

Дошёл до окраины села, дальше шла улучшенная грунтовая дорога на Селижарово.

И вдруг на веранде крайнего дома мелькнуло знакомое девичье лицо. Я не ошибся. Это была моя одноклассница Рая Смирнова. Учились с ней вместе до седьмого класса. После его окончания я поехал в Андреаполь продолжать учёбу в десятилетке, а Рая, кажется, уехала в Торопец и поступила в кулинарное училище.

Я подошёл к калитке Раиного дома и помахал ей рукой. Она меня заметила, улыбнулась и подошла.

Поздоровались. Рая в отпуске, дней пять, как приехала. Работает поваром в Торопце в столовой на улице Лермонтова.

Рая сказала: «Сейчас здесь тоже в отпуске Аня Лескова и Витя Можерыкин. Кроме того, кое-кто из наших работает в совхозе, в основном девочки. Сам их увидишь вечером, да ты, приезжая на каникулы, встречался с ними. А как твои дела?»

Я рассказал об учёбе и дальнейших планах.

Договорились вечером встретиться в клубе. Будет фильм, а потом танцы, игры.

«Вот все и встретимся» – сказала Рая. «Молодежь предпочитает смотреть кино в клубе, а не просиживать у телевизора. Их всего три в двух деревнях, так в эти избы набивается народ из Шилова, из Родионова».

«А мы встретимся в клубе?» – спросил я, и в знак согласия Рая кивнула.

8.

Я пошёл в сторону церкви, прошёл мимо неё и зашагал в сторону Андреаполя, из которого три часа тому назад прибыл.

У маслозавода в песке играла четвёрка Петровых в ожидании порции обраты. Я дошёл до западной окраины села. В километре виднелись дома деревеньки Думино. Больше идти было некуда, и я повернул назад и зашагал к дому.

Мама хлопотала у электрической плитки, в чайнике закипела вода. «Сейчас будем пить чай». В знак согласия я кивнул и прошёл в свою комнату.

Перед окном, глядящим на север и выходящим на главную улицу села, стоял письменный стол. Справа от него – книжный шкаф, который заполнен

книгами. Книги покупала и заказывала мама, большая любительница чтения, и эта привычка перешла ко мне.

Полное собрание, одиннадцать томов Маяковского, полное собрание Стендаля, Салтыкова-Щедрина, Лескова и другие издания. Много места занимали стихи: Ваншенкина, Евтушенко, Асадова, Есенина, Блока, заветный томик од Гаврилы Романовича Державина и другие произведения наших и зарубежных поэтов.

Слева стояла магнитола «Ригонда», моя кровать и платяной шкаф. Я присел за письменный стол и достал из чемодана сам-издатковский том Владимира Семёновича Высоцкого, который очень мне нравился. Я сразу же, увидев том на рынке Андреополя, купил его за двадцать пять рублей у какого-то ханыги. Том содержал одни из первых песен и стихотворений Владимира Семеновича.

Я сразу же окунулся в поэзию большого мастера и неукротимого борца с недостатками человека и общества.

Как раз попало стихотворение «А люди всё роптали».

А люди всё роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
– Мы в очереди первые стояли,
А те, что сзади нас, уже едят.
Им объяснили, чтобы не ругаться:
– Мы просим, вас, уйдите, дорогие,
Те, что едят – ведь это иностранцы,
А вы, прощу прощенья, кто такие?

Я задумался над этими строчками, где критикуется блат, преклонение перед иностранцами...

Меня позвала мама: «Саша, иди чай пить». Я положил закладочку на 45-ю страницу, где осталось непрочитанное стихотворение, и отложил томик в сторону.

9.

Сели за стол. Пьем чай и говорим о моих делах. Мама обратила моё внимание на удовлетворительные оценки по русскому и немецкому языкам. Посоветовала не прекращать заниматься ими да и другие предметы не запускать.

Я с ней полностью согласился, но о поступлении в ВУЗ или какое-то среднее учебное заведение в настоящее время речи быть не могло. Два года отработаю, если возьмут, в геолого-разведочной партии, которая базируется в Величкове, а потом уже, определившись, буду поступать учиться. Если заберут в армию, есть выход – военное училище, тоже надо будет определяться, какое.

Поблагодарив маму за чай, я ушел к себе в комнату и опять взял том Высоцкого.

Читая строки прекрасного поэта, барда, я пожалел, что у меня нет записей его песен, баллад, которые тоже ходят по рукам подпольно. Я недоумевал, почему нет официальных его изданий.

Я зачитался. Мелькают названия и строки стихотворений: «Песня о друге», «Аисты», «Нет меня, я покинул Расею!» и другие.

Мне было не понятно, как он писал о войне, лагерях, загранице, не пройдя всего этого. Всё только по наблюдениям, рассказам очевидцев и людей, прошедших всё это.

Читая его стихи, слушая его песни, невольно приходишь к выводу, что это всё действительно было с ним, Владимиром Высоцким, что всё это он прошёл сам.

10.

Мама, не слыша меня, подумала, что я задремал и негромко позвала: «Саша, семь часов, пора идти, ведь ты хотел попасть в клуб».

Я отложил книгу Высоцкого и стал собираться. До клуба мне пять минут ходьбы. Выхожу и сразу встречаю Володю Попова. Он окончил школу раньше меня и два года проработал в совхозе. Сейчас едет поступать в Московскую сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Директор отпускает и даёт хорошую характеристику. Так что Володя считает, что он уже студент, поскольку эти годы с учебниками не расставался и чувствует себя вполне подготовленным.

Подошли к клубу. Народу очень много, но еще не все приобрели билеты, и фильм задерживался. Шёл французский фильм «Фантомас». В главных ролях Жан Марс, Мигель Де Монжо, Луи де Фюнес и другие. Я знал этих актёров по другим фильмам, и они были мне очень симпатичны.

Наконец, изба, именуемая клубом, заполнилась до отказа. Ребятишки сидели перед первыми рядами прямо на полу, среди них были и четыре брата Петровых.

Фильм смотрели внимательно, без шума и выкриков. Только было слышно щёлканье семечек и лёгкие шлепки – это били комаров. Местность вокруг была низкой, болотистой, и этих кровопийц была тьма-тьмущая. Они слетались на экран и свет кинопроектора.

Кончилась первая бобина фильма. Киномеханик быстро её заменил и фильм продолжился.

Фильм закончился. В зале свистки, крики: «Давай показывай еще!». Это кричала детвора. Наши ребята расставили скамейки вдоль стен, освободили площадь для танцев. Девочки расселись, ждали музыку и кавалеров. Ребята вышли поговорить, кое-кто уже закурил.

Наших было десять человек: Аня Лескова, Вадим Можерыкин, Рая Смирнова, Игорь Чекмарёв, Аля Комарова, Валя Осокина, Фира Бачурина, Валя Бахурина, Галя Левандовская и я. До разъезда после седьмого класса нас было 23 человека. Двенадцать уехали и где-то учатся, работают. Сведений о них нет. Отпуска предоставляются в разное время, так что вместе встретиться сложно.

Заговорили о встрече выпускников. Кто закончил школу или пошел на каникулы в учебном заведении, могут ещё подъехать. С работающими сложнее, но встреча – дело будущего.

Необходимо наладить переписку и пригласить бывших одноклассников на встречу. Ребята из ближайших мест – Калинина, Осташкова, Торопца,

Торжка и других – могут приехать на субботу и воскресенье. И вот в одну из суббот и устроить встречу.

Володя Попов и Вадим покурили. Курили они кубинский «Рейс». Только эти сигареты были в магазине. Был еще «Беломор», но ребята предпочитали сигареты, это было модно.

11.

В клубе заиграла радиоло. Начали музыкальный вечер со старого фокстрота «Мама Инес».

Наши ребята и девочки небольшой стайкой вошли в помещение и распались на пары. Игорь пригласил на танец Раю, Вадим – Аню.

Я вглядывался в лица девушек, сидевших на скамейках на противоположной стороне от входа и искал партнёршу. Увидел смотревшую на меня девушку. Да это Таня Климова, она ведь уехала в Калинин и там работает на ткацкой фабрике. «Вероятно, она тоже в отпуске» – подумал я и подошёл к девушке. Пригласил её на танец, она встала, и вот мы уже были в гуще танцующих пар.

Разговорились, она действительно в отпуске. Учится в девятом классе школы рабочей молодёжи и работает помощницей ткачихи на фабрике. Уехала в Калинин в прошлом году. После отпуска будет сдавать экзамены по профессии, потом будет работать самостоятельно.

Таня рассказала, что живёт в общежитии при фабрике, в небольшой (на четырех человек) комнате, соседки хорошие, живут дружно. Я предложил Тане прогуляться, она согласилась. Мы прошли до окраины села и вернулись к клубу.

Молодёжь высыпала на улицу, танцы закончились. Сначала все гуляли по Главной улице. Потом стали расходиться по укромным уголкам.

Таня жила в Родионове, восточнее Луг в трех километрах. Я проводил её и пошёл домой. Народу на улице было немного, большинство разошлись по домам, чтобы на следующий день быть вовремя на рабочем месте.

Директор совхоза был строг и с утра объезжал бригады, проверяя фронт работ, наличие рабочих, готовность к работе.

В двенадцать часов я был дома. Мама ожидала меня. Предложила стакан молока с кусочком чёрного хлеба, что я очень любил. Выпив молоко и пожелав маме спокойной ночи, я ушёл в свою комнату. На сон грядущий прочитал несколько стихотворений В.С. Высоцкого и заснул.

12.

Встал в шесть часов, взял гантели и вышел на улицу. Меня встретило яркое солнце. Я улыбнулся ему и начал разминку.

Мимо прошло стадо коров. Пастух, дурашливый Никитка, громко крикнул: «Саш, будешь учиться дальше?» – «Пока нет» – «Тогда иди ко мне подпаском, молока пей сколько хочешь». Но я махнул ему рукой: – «Иди, иди коровий начальник». Никитка, которому шёл тридцать шестой год не обиделся и погнал стадо в сторону деревни Думино.

Я закончил физзарядку и пошёл умываться.

Мама уже поставила на стол блинчики с мясом, мои любимые, и кофе с молоком. Быстро позавтракав и поблагодарив маму, я взял нужные документы и отправился в деревню Величково, где располагалась Московская комплексная геолого-разведочная партия. Начальником партии был Гройсман Илья Абрамович, это я знал давно.

От Луг до Величково два километра, дорога грунтовая, плотная, так что я шёл довольно легко и быстро и через двадцать пять минут был у дома партии.

Работа шла полным ходом. Водители, они же старшие буровые мастера, готовили самоходные буровые установки к выезду в поле, на места работ.

Участники партии были в полном составе – Илья Абрамович, главный геолог Моштаков Александр Федорович, главный геодезист Деревенский Дмитрий Борисович, его помощник Миша Макагон. И шестеро рабочих-буровиков, две геологини – Оля и Галя, и водитель ЗИЛка Лёха.

Я сразу же понял, кто начальник. Это был широкоплечий мужчина, несколько толстоватый, среднего роста. Лицо украшали чёрные усы, которые ему очень шли. Он был одет в серый спортивный костюм и выделялся своей деловитостью, отдавая рабочим нужные распоряжения.

Я подошёл к начальнику партии. Представился и высказал свою просьбу о приёме на работу.

Трудностей, которые мне представлялись раньше, не последовало. Илья

Абрамович подозвал геодезиста Дмитрия Борисовича и спросил: – «Возьмешь парня на работу в свою группу?» Тот моментально согласился, так как людей не хватало, а работы было много и не на один год, что меня вполне устраивало.

Дмитрий Борисович сказал, чтобы я завтра к семи прибыл в деревню Родионово к дому лесничего Виктора и начал свой первый рабочий день.

«А если хотите, можете проехать с нами по буровым точкам, и посмотреть, как работают наши люди. Как мы, геодезисты, обеспечиваем их работы. Собственно, тогда это и будет Вашим первым рабочим днём.

Потом Вы напишете заявление о приёме на работу, и мы всё оформим.

Если согласны, садитесь в кузов ЗИЛка к Мише».

Я согласился и влез в кузов. Там уже сидел улыбающийся парень. «Миша» – представился он. Он лет на пять постарше меня, но по его виду я понял, что мы поладим.

«Ну, поехали!» – крикнул Илья Абрамович. И четыре машины отправились в путь. В первом ЗИЛке с Лёхой за баранкой ехали Дмитрий Борисович, Миша и я. За нами следовали буровой мастер Казак и Федя, на третьей, буровой – Петя и Николай. Замыкали колонну на третьем СБУте – Нодик и Виктор.

Ребята – не москвичи, прибыли из разных мест европейской части Советского Союза. Работали, как правило, весь световой день без выходных два-три месяца. Затем недели на три уезжали по домам и к определённому сроку возвращались к месту работ.

13.

Лёха, шофер ЗИЛка, лихо выехал по лесной дороге к деревне Захарино. Здесь поставили на точку буровую установку Вани Казака, опытного

бурового мастера. Фёдор, помощник его, давно с ним работает, так что они успели сработаться.

От Захарино по лесной дороге едем к деревне Амосово и около неё устанавливаем на точку буровую машину Петра с Николаем, а сами едем по полевой дороге к деревне Родионово. На этой точке можно было сейчас не бурить, а начинать работать на дальних от базы партии скважинах и затем приближаться к ней. Для пробного бурения выбрали именно эти точки. Нодика и Виктора поставили на точку в Родионово.

Главный геолог партии дал задание бурить скважины на расстоянии один километр друг от друга для охвата большей площади будущего карьера, а потом постепенно сгущать сеть до пятисот, двухсот пятидесяти, ста и пятидесяти метров.

Маршрут мы проскочили небольшой, порядка десяти километров, и вернулись в Величково.

Там нас ждали Илья Абрамович и Александр Фёдорович, чтобы решить вопрос с моим устройством на работу.

Илья Абрамович сказал, что я принимаюсь рабочим третьего разряда с окладом 70 рублей, плюс 39 рублей полевых. Это меня вполне устраивало, и я согласился.

Начальник партии на полдня дал ЗИЛка, чтобы перевезти вещи и инструменты группы.

Мы стали грузить имущество: теодолит ТОМ, нивелир НВ-1, рейки, рулетки, вешки, личные вещи, раскладушки, постельное бельё, палатку и Мишину гитару.

Дмитрий Борисович и Миша сели в кабину, хотя с шофёром в кабине должен ехать один человек, но ГАИ здесь нет, и мы шли на это нарушение. Я устроился в кузове.

День был прекрасным, было десять часов, на небе ни облачка. Солнышко палило вовсю. Становилось жарко.

Через минут сорок мы подъехали к дому Виктора. Он и его мама, Пелагея Ивановна, нас уже ждали. Изба Виктора была второй с края от деревни. Перед ней стояла изба Николая. Он жил с матерью и тоже вышел помочь нам в устройстве.

За час мы разгрузили всё имущество. Лёху на ЗИЛке отправили к Илье Абрамовичу, а сами потихоньку начали устраиваться.

Пелагея Ивановна хлопотала на кухне – варила обед. Она была проведена рабочей третьего разряда, а на самом деле кухарила. Мы установили раскладушки, стол для занятий поставили у окна. В сенях расставили рейки, штативы, вешки. Инструмент в ящиках был в нашей комнате.

Дмитрий Борисович сказал: – «Если не хочешь обедать с нами, иди домой и расскажи все условия маме. Может быть, она будет несогласна». «Ну что, идёшь домой, счастливо! С первым рабочим тебя, Саша, днём».

«Завтра в семь часов мы выезжаем на ЗИЛе, прозванным Захаром, в поле для выноски в натуру точек под буровые скважины. Ты должен быть готов к выезду и ждать нас, мы за тобой заедем» – сказал Дмитрий Борисович.

Я попрощался с ребятами, и тропкой через ржаное поле пошёл в Луги. Завтра же вечером, если будет согласна мама, перевезём мои личные вещи в Родионово.

Было радостно, день прошёл хорошо. Работа хорошая, не без трудностей, конечно, но это всё уладится. Ребята, вроде, тоже хорошие, так что, я думаю, сработаемся.

Я зашагал быстрее, надо было обрадовать маму и подготовиться к завтрашнему по-настоящему первому рабочему дню.

1973-75гг., Родионово, Рублёво

А сосны шумят

Две падающие сосны прислонились к стволам своих стоящих подруг... те их поддерживают. Сосны, которые наклонились, как и остальные, живут, дышат, питаются и дают нам озон, да, озон...

А сосны шумят, они живут, радуются...

Тучи нависли, словно чёрные коршуны. Но вот солнце – и тепло, и радость. Но снова тучи, их пока мало, но они могут собраться и тогда...

А сосны дышат тишиной,
Свободой, радостью и светом.
Родной своею стороною
И старых дней приметам.
Ничто, ни тучи, ни гроза
Покоя не нарушат их,
Спокойны будут вечера
Живых.

21.07.1978г., Рублёво

Рекогносцировка

Рассказ

1.

Ясным солнечным сентябрьским утром землемер Медведев выехал на пролётке, запряжённой парой породистых лошадей, на рекогносцировку трассы будущей дороги от Можайской дороги у деревни Давыдково до деревни Рублёво, вернее, до будущей Рублёвской водокачки.

Ему необходимо было проехать вёрст сорок вдоль правого берега Москвы-реки по полевым и лесным дорогам. Он должен был выбрать начальную точку будущей дороги между деревнями Рублёво и Луки. Затем проехать, если возможно, или пройти по трассе будущей дороги.

2.

Николай Порфирьевич, так звали молодого человека, восемь лет тому назад окончил Московский межевой институт. После его окончания работал в различных уголках европейской части России – в Архангельской губернии, на Черноморском побережье близ Одессы. Большая часть его трудовой деятельности прошла в средней полосе европейской России – Тверская, Московская, Рязанская губернии. Приходилось Николаю бывать за границей. Некоторое время он работал в Латвии, Литве, Эстонии. Николай родился в Москве в 1865 году. В настоящее время он работал землемером при Московской городской управе.

Неделю тому назад начальник отдела вызвал его и дал задание на выбор трассы новой дороги.

3.

Последние домики деревни Дорогомилово остались далеко позади. Николай приближался к селу Фили, месту столь памятному и дорогому для русского человека. Именно здесь у самой Можайской дороги в крайней избе слободки Филёвских выселок 1-го сентября 1812 года Михаил

Илларионович Кутузов созвал военный совет, который решил во имя спасения армии и России оставить Москву. Изба в 1868 году сгорела, но потом была отстроена вновь.

Николай вынул часы фирмы Павел Бурэ, подарок отца. Было половина одиннадцатого. Солнце светило в спину. Он обратил внимание на тень, бегущую несколько впереди пролётки. «Вот неутомимый верный спутник человека» – подумалось ему.

Матвей, так звали кучера, обернулся и осведомился о времени: «Я и сам, господин инженер, чувствую, что сейчас часов десять. Но хочется знать точно». Николай отвлекся от нахлынувших воспоминаний и ответил кучеру. Тот поблагодарил и начал вновь погонять лошадей, которые и так бежали резво, но, как выразился Матвей, он любит езду быструю, когда сердце замирает от скорого бега.

Впереди слева от дороги показались первые избы деревни Давыдково. «Вот именно где-то здесь будущая дорога примкнёт к Можайской дороге», – подумал Николай. Давыдково – небольшая подмосковная деревенька. Старые покосившиеся избы, грязные ухабистые улицы и проулки...

4.

Проснулся Николай, как обычно, рано. Обитатели избы, где он остановился, были уже на ногах. Хозяйка хлопотала у печки, хозяин запрягал лошадь. Только дети, а их было у хозяйки трое, спокойно спали на печи. Из-за занавески слышалось их сопение. Чтобы не разбудить детвору, Николай тихо прошёл через большую комнату, поздоровался с хозяйкой. Та осведомилась о том, как он спал на новом месте, и вновь принялась хлопотать у печи.

Николай вышел во двор. Хозяин, запрягающий лошадь, поздоровался с ним. В просторном сарае стояли лошади, на которых он приехал вчера. Сам кучер спал на сеновале. Он не стал будить его, а прошёл через огород к высокому берегу реки.

Утро, в отличие от вчерашнего, было пасмурным. С юго-запада, со стороны имения Юсупова-Архангельского, тащились тяжёлые тёмно-серые тучи.

5.

Картина на противоположном левом низком берегу Москвы-реки была изумительна. В километре на запад виднелось старое русло, поросшее кустарником. На юго-западе, перед Архангельским сосновым бором, уютно расположилась деревенька Захарково. За ней виднелся золотистый шпиль усадьбы князя Юсупова. На северо-западе ещё одна деревенька – Гольево

и большое село Павшино. Весь горизонт закрыт лесом. «Какое богатство, какое приволье» – подумал Николай.

Тёмно-серая река неспешно несла свои воды к Москве. Место для будущей водоканалки преотличное.

6.

Николай сделал несколько гимнастических упражнений, давняя устоявшаяся привычка. Тропкой, извивающейся, словно змейка, спустился к воде. Он обтёрся прохладной водой, растёрся полотенцем и пошёл вверх по тропке, по которой спускался несколько минут назад. Подъём преодолел легко. Вошёл в избу. На столе у окошка дымилась картошка, распространяя по комнате аппетитный запах. Крынка с парным молоком и каравай чёрного свежееиспечённого хлеба. Свежий хлеб, какое это чудо...

На печи завопили дети, и сейчас же из-за занавески показались три головки. Дети внимательно смотрели на дядю, который им улыбался. «Деточки, быстро поднимайтесь, пора кушать» – проговорила хозяйка. Ребятишки живо попрыгали с печки и побежали в сени умываться.

7.

«Может быть, Вам кушать подать в Вашу комнату?» – осведомилась хозяйка.

«Нет, что Вы, я буду кушать с Вами, если позволите. Я ведь вчера говорил Вам, что много езжу. Часто останавливаюсь в избах крестьян и привык питаться за общим столом. Стол сближает людей. А мне хочется поближе узнать тех, с кем я живу или встречаюсь» – проговорил Николай.

8.

Вошёл хозяин и решительно подошёл к столу. Это был мужчина лет сорока с окладистой тёмной бородой. Под рубашкой чувствовались крепкие мышцы.

Он повернулся в правый угол горницы, там помещалось изображение Иисуса Христа. Трижды перекрестился и громким голосом сказал: «Давайте завтракать».

Июль 1978г., Рублёво

*Генералу-фельдмаршалу
Лаковых войск ВТС*

Послание

После выхода в отставку и отъезда в горячо любимую Покровку на сельскохозяйственные работы Главкома Лаковых войск генерала-фельдмаршала Шлезингера Сергея Михайловича в войсках началось непонятное брожение и шатание (в чанах бродила перезревшая брага, вокруг шатались полупьяные младшие командиры и нижние чины).

Оказалось, что генерал-фельдмаршал дела не сдал и преемника не назначил. Войска остались без руководства.

Вчера на офицерском собрании Лаковых войск РИО (представительском) в установленном месте («На горке») присутствовали: ВРИО Генерал-фельдмаршала войск В.Гнатюк, заместитель Главкома Лаковых войск по тылу ликёр-майор А.Андреев, заместитель по обеспечению скрытности лакировки ликёр-прапорщик Б.Гончаров, заместитель по описанию лакировочных процессов Д.Деревенский, а также два ликёр-товарища под псевдонимами: Бомбина и Арсен.

Фельдмаршал!
Говорил я Вам –
Умрут войска без руководства.
Ждём Ваш приказ – назначить бал
И сдать дела так, как ведётся,
Преемника назначить надо
В поддержку Лаковым войскам,
Ваш же визит – такая радость.
Скорее приезжайте к нам!
Сдав все дела, войска благословив,
Спокойно двигайте в Покровку.
Не забывайте свой мотив
И главную командировку.
«Целуя Знамя в пропылённый шёлк,
И выплюнув в отчаянье протезы,
Фельдмаршал звал: –
“Вперёд, мой славный полк!
Презрейте смерть, мои головорезы!”»,
Употребляющие лак
Не просто так,
А для согрева душ
Под славный туш.

Послание было единогласно одобрено присутствующими лакировщиками, принято и подписано ВРИО Генерал-Фельдмаршала и ответственными товарищами.

Копия Послания и подписи сохраняются в архиве заместителя по описанию лакировочных процессов.

После торжественной части были распиты три бутылки «Столичной» и в качестве лака шесть бутылок пива Очаковского светлого оригинального...

С ним ты в дальний путь пойдёшь,
Дорог много обойдёшь.
Если пива будет мало,
Ты пойдёшь дорогой малой,
Так что бак
С собой бери
Лак
Тащи
И не взыщи...
Захвати ночную вазу –
Беспардонную заразу.

На этом собрание лак-товарищей закончилось, и они, пошатываясь и поддерживая друг друга, направились к станции метро «Электрозаводская», повторяя четвёртый стих Послания, который был объявлен Гимном Лаковых войск РИО ВТС:

Целуя Знамя в пропылённый шёлк
И выплюнув в отчаянье протезы
Фельдмаршал звал: –
«Вперёд, мой славный полк!
Презрейте смерть, мои головорезы!»

Кавалькада из шести дюжих молодцов спокойно дошла до станции метро, прошла милицейские кордоны и растворилась в зеве эскалаторного тоннеля.

Отчёт

о праздновании дня Лаковый войск

24 июля 1992г.

(Лаковый день)

Восемь пятнадцать. Прекрасное солнечное утро. Оживление у дверей редакционно-издательского отдела Военно-топографической службы, к зданию которой стекаются бодрые, веселые на легком подпитии ветераны Лаковых войск.

Одеты они в скромные штатские костюмы, без боевых регалий и прочей бижутерии. В настоящее время всё должно быть просто. Даже офицеры, уходя со службы, надевают гражданскую одежду, не то отношение к армии сегодня.

Нижние чины устанавливают у входа в РИО традиционную бочку с сухим вином «Цинандали» для опохмеления прибывающих частей.

На флагштоке поднимается флаг Лаковых войск, наша гордость, который вел наши славные войска от победы к победе многие годы.

Флаг – полотнище голубого цвета, на котором вышит золочёными нитками герб войск – две скрещенные бутылки из под «Пшеничной», обвитые двумя зелёными змеями; выше этого изображение – красная звезда с тремя расходящимися вверх лучами.

Оживление среди ветеранов и любопытствующей публики... Появился Главный распорядитель сегодняшнего Праздника ликёр-майор Андреев А.В. Одет он в парадный мундир с золотыми погонами и аксельбантами, на сапогах, начищенных до зеркального блеска кавалерийские шпоры. Глаза ликёр-майора горели ярче золотых пуговиц его мундира. Главный распорядитель уже успел приложиться к заветной бочке с «Цинандали» и опрокинуть три двухсотпятидесяти-граммовых фужера драгоценной влаги.

По взмаху его руки, державшей несметное число раз штофы с водкой, рюмки с коньяком и ликёром, бокалы с шампанским, креплёным и сухим вином и прочей горючей и негорючей смесью, подлежащей питию; из здания РИО выводятся младшие командиры и нижние чины с традиционным покачиваньем и шарканьем сапогами, начищенными, как копыта коня Петра I на Сенатской площади Санкт-Петербурга. На праздничный завтрак личный состав получил по рюмке водке и бокалу пива «Балтика» № 9. Настроение бодрое, жизнь хороша, служба тоже.

Празднование началось, но основные его мероприятия впереди.

Выводятся линейные и сводный духовой оркестр Лаковых войск, инструменты которого блестят ярче солнца, очень много ушло спирта на их протирку. Линейные и оркестр расставлены по своим местам, все приготовления закончены.

Девять ноль-ноль. Все взоры устремлены к улице Матросская Тишина.

Там появился статный мужчина лет шестидесяти пяти, в хорошо подогнанном по фигуре темно-сером костюме, с серебристой искоркой и галстуком-бабочкой. Высокий лоб этого человека говорит о недюжинном уме, тяжёлый подбородок о воле, а чёрные с проседью усики-«шпала», а-ля Адольф, о принадлежности к клану военных.

Да, это он, наш дорогой Главком, наш дорогой генерал-фельдмаршал Шлезингер Сергей Михайлович. Над площадью перед входом в РИО разнеслось дружное «Ура» нижних чинов и остальной публики. По команде Распорядителя праздника, оркестр заиграл «Встречный марш», линейные сделали «на караул», младшие командиры и нижние чины, немного заскучавшие, взбодрились. Над толпой ветеранов и любопытствующей публики раздались бурные аплодисменты.

Ликёр-майор Андреев А.В. доложил Главкому Лаковых войск по полной форме о прибытии частей и построении личного состава. Молодцеватой походкой генерал-фельдмаршал подошёл к строю войск, толпе ветеранов и публике и поздоровался. Зазвучал Гимн Лаковых войск, нижние чины и ветераны подхватили и пропели первый куплет:

Целуя Знамя в пропылённый шёлк
И выплюнув в отчаянье протезы
Фельдмаршал звал: –
«Вперёд, мой славный полк!

Презрейте смерть, мои головорезы!»

Торжественная часть закончена, рукопожатия, объятия, расшаркивание перед дамами.

Младшие командиры и нижние чины уводятся в казармы, где они получают по очередному бокалу пива, и им будут прочитаны душещипательные лекции и проведены беседы – «О вреде употребления алкоголя в больших количествах», «О культуре питания и своевременности закуски».

В это время генерал-фельдмаршал со свитой и ветеранами оставляют площадь, и направляются к зданию РИО, перед этим каждому преподносится бокал сухого вина – «лака» – для опохмелки и поднятия жизненного тонуса.

Впереди совещания и семинары о состоянии лаковых войск, дисциплине питания; назначение Преемника и другие важные вопросы жизнедеятельности войск. Через парадный вход все идут в здание и поднимаются в актовом зал, где будут проводиться мероприятия Праздника, вплоть до заключительного застолья.

Главный Распорядитель, ухвативший не менее трех бокалов лака, закрывает дверь: – «Ждите наших сообщений в ежедневных Боевых листках и в еженедельном Вестнике РИО»...

Июль 1992г., РИО

Новый год

Рассказ

1.

Лейтенант Новиков задержался на работе, необходимо было до конца оформить настенную рельефную картину, которую надо было сразу после праздников отвезти в Генеральный штаб.

19.30. Работа завершена. Евгений выдохнул и пошёл вымыть руки. В коридорах РИО никого не было. Только в комнате дежурных слишком громко говорил телевизор, и слышны были приглушённые голоса дежурного и его помощника.

Вымыв руки, Евгений переоделся, последнее время все офицеры ходили по городу в гражданской одежде. Попрощавшись с дежурными, поздравив их с наступающим Новым годом и пожелав спокойного дежурства, Евгений направился к лифту.

Около него стояла миловидная девушка с голубыми глазами и светлыми волосами, поверх которых сидела экстравагантная меховая кепочка.

Евгений поздоровался с девушкой и нажал на вторую кнопку вызова лифта. Девушка уже нажимала на кнопку лифта. Повезло ей, подошёл лифт, который она вызвала. Войдя в кабину лифта, Евгений нажал на кнопку «0» и лифт, громко-громко заскрежетав, начал спуск. Сильно гудели подъёмные канаты, лифт начал двигаться рывками и в конце концов остановился.

«Охотный ряд, приехали» – вымолвил Евгений и покосился на девушку, которая, немного побледнев, проговорила: – «А до Нового года осталось четыре часа, неужели нас никто не вызовет?»

«Ау, люди!» – прокричал Евгений в закрытую дверь лифта, но никто не отозвался, только гулко зарокотало в шахте лифта. «Вероятно, мы между третьим и четвёртым этажами, здесь ведь дежурная комната НИИ, нас должны услышать и вызовет из этой клетки» – успокоил Евгений девушку, которая начала нервничать: – «Лучше бы мы пошли пешком, ведь всего-то пять этажей». «А кто знал, что так получится» – возразил молодой человек.

«Люди, Вы что, застряли? Попробуйте нажать на кнопку любого этажа, может быть, Вам удастся сдвинуть лифт с мёртвой точки» – это был голос дежурного по НИИ. «А я сейчас попробую вызвать аварийную команду, ведь Архипыч, наш смотритель, давно дома».

Евгений обратился к девушке: – «Давайте знакомиться, меня зовут Евгений, а Вас? Между прочим, я Вас раньше не видел, Вы новенькая?» «Меня зовут Валя. Я действительно работаю недавно, в “Америке”, работы много и некогда ходить по коридорам, поэтому нам и не приходилось видеться раньше».

«Держитесь, люди» – пророкотало в шахте лифта. Я вызвал аварийную команду, обещали скоро быть» – это был голос дежурного по НИИ. Время шло. Валя и Евгений почти уже обо всём успели переговорить. Она студентка первого курса МИИГАИКа, будущий картограф. Он закончил Санкт-Петербургское высшее военно-топографическое училище, по

специальности – картограф. Прилично рисует, поэтому и был направлен в РИО. Живёт с родителями, Валя тоже. Её папа полковник ВТУ, вот потому она пришла работать в РИО.

Женя взглянул на часы: «Между прочим, до Нового года осталось пятнадцать минут. Что же не едет аварийная команда? Вероятно, вызывают таких же бедолаг, как мы, или встречают Новый год. Между прочим, 1995 – год свиньи, вот он её нам и подложил. Мы ведь тоже должны проводить старый год – год голубой собаки и встретить Новый. У меня с собой бутылка шампанского, шоколадка и раздвижной охотничий стаканчик».

Евгений достал из сумки шампанское и стал откупоривать бутылку. Валя развернула шоколадку «Алёнка» и протянула стаканчик. Раздался хлопок, фонтаном брызнула пена, но Евгений наклонил бутылку и наполнил Валин стаканчик.

«С уходящим!» – прошептала Валя и выпила до дна искрящуюся жидкость. Женя последовал её примеру. Разлили ещё. Было ровно ноль часов одна минута.

«С Новым Годом!» – прошептали молодые люди одновременно и осушили по очереди стаканчик. Закусили.

«Я никогда не встречала Новый Год в такой пикантной обстановке» – проговорила Валя. «Я тоже. Пусть Новый Год принесёт нам счастье» – промолвил Евгений и улыбнулся. Валя согласилась.

В это время над головой загудело и лифт начал движение вниз. «Вот и кончился срок нашего заключения. Я очень рад, так как познакомился с тобой, Валя» – вымолвил Евгений. «Я тоже».

Лифт остановился и двери раскрылись. «Ну что, узники, давайте, выходите – чувствуется, Вам не было скучно» – встретил молодых людей работник аварийной команды. Он был в лёгком подпитии и улыбался. «С Новым годом!» – выпалил он. «А нам дальше ехать, спасать таких же как вы бедолаг».

Молодые люди, взявшись за руки, зашагали к метро «Электrozаводская». Их глаза излучали радость. Они были счастливы. Прекрасно для них начинался Новый год.

Около метро ребятам удалось уговорить частника отвезти Валью на улицу Тухачевского, а затем Евгения в Крылатское...

2.

Евгений подошёл к телефону и набрал номер, который дала ему Валя. Немного волнуясь, он слушал гудки в телефонной трубке. «Кто подойдёт? – думал он, – папа, мама, брат или сама Валя».

В трубке раздался твёрдый мужской голос. «Здравствуйте, простите, пожалуйста. С Новым годом!» – выпалил Евгений. «Можно к телефону Валью, это говорит Евгений Новиков, её знакомый по совместной работе».

В трубке прозвучало: – «Валя, это тебя». Евгений разволновался ещё больше, но постарался взять себя в руки и, услышав Валин голос, пришёл в себя.

«С Новым годом, Валя! Мы сможем сегодня увидеться, где и когда?» – спросил он девушку.

Валя ответила: «Можно встретиться на станции метро Аэропорт» в 19 часов, я как раз буду в этом районе, если тебя, Женя, это устраивает, мы договорились». «До встречи» – сказал Евгений и положил трубку. И только тогда понял, что точно не оговорил место встречи.

Звонить второй раз он посчитал неудобным. «Ладно, встретимся» – подумал он и посмотрел на часы, висевшие на стене прихожей. Было 15 часов, до встречи целая вечность – четыре часа...

В 15.30 мама пригласила обедать. Сели за стол, разлили по бокалам шампанское, выпили за Новый год. Женя кушал с удовольствием, на второе доедали запечёного гуся с яблоками, он очень его любил.

После обеда Евгений прилёт, предварительно сказав маме, чтобы она его через час разбудила.

Пробило пять часов, Евгений встал, умылся и стал собираться на встречу с Валей.

Жене можно было ехать на метро, но надо было делать крюк и две пересадки. Женя выбрал более прямой путь – на 19-м троллейбусе до остановки метро «Сокол» и на метро до станции «Аэропорт». Остановка троллейбуса в 200-х метрах от дома. В 17.30 Женя вышел из дома. Троллейбуса ждал минут десять, и через пятьдесят минут был на «Соколе», а без двадцати семь – на станции «Аэропорт».

Он ехал в последнем вагоне метropоезда и на станции вышел в северо-западный выход. Ленинградским проспектом мчались автомобили, улица вся залита новогодней рекламой. Падал лёгкий снежок, и Женя, подумав, что Валя будет ждать в метро, вошёл в вестибюль уже через другой вход.

Народу было много, и в этой толчее необходимо было протискиваться. В то же время он оглядывал окружающих, пытаясь увидеть Валию, но её не было.

Евгений подошёл к первому вагону поезда, идущего из центра. Поднялся по ступенькам и занял позицию, с которой был хорошо виден вестибюль и платформа станции. Он оглядывал зал, но Вали не было. Уже было 19.10.

Люди на платформе, как в большом муравейнике, перемещались туда-сюда. Это мелькание стало утомлять Евгения.

Он вглядывался в лица девушек, особенно в глаза. Таких глаз, как у Вали, он не видел. Они были цвета небесной голубизны и, вглядываясь в них, он погружался куда-то глубоко, глубоко.

3.

Но вот в людском потоке он увидел знакомое лицо, белую меховую кепочку и сияющие голубые глаза. Валя увидела его и подошла. «Здравствуй!» – одновременно проговорили молодые люди – «С Новым годом!»

На Вале была беленькая в талию шубка и чёрные сапожки. В руках небольшая сумочка тоже чёрного цвета.

Молодые люди взялись за руки и пошли к выходу из метро. На улице было много народа, падал снежок, такой нужный в этот новогодний вечер.

Было не холодно, минус два, не более, и ребята решили прогуляться.

На противоположной стороне Ленинградского проспекта, залитый всеми цветами радуги, сиял Аэровокзал, от которого каждые тридцать-сорок минут отходили автобусы с людьми, развозя их по аэропортам – Быково, Внуково, Домодедово, Шереметьево.

«Да», проговорила Валя – «это нескончаемый поток, люди даже в праздничные дни куда-то едут, спешат. Вот и нам с тобой, Женя, дома не сидится, куда-то идём, стремимся».

«Действительно, а куда мы идём?» – спросил Женя. Валя предложила зайти в кафе-мороженое на Соколе, а затем погулять. Благо погода благоприятствовала этому.

Евгений плохо знал этот район и согласился с Валей. До кафе были две троллейбусные остановки, но ребята решили прогуляться и пошли пешком.

Они обменивались новостями, которые произошли после их отсидки в лифте РИО. Так незаметно они подошли к кафе, которое располагалось недалеко от северо-западного выхода метро «Сокол».

4.

Валя и Евгений подошли ко входу в кафе. Молодых людей удивило, что очереди не было.

Они вошли. В зале былолюдно, но несколько столиков стояли свободными. Один из них ребята и заняли.

Подошла официантка, подала меню, которое молодые люди начали изучать. Заказали по бокалу шампанского и по паре шариков мороженого.

Женя спросил: «Как родители отнеслись к задержке в Новом году? Ведь и сообщить мы не догадались, а могли это сделать через дежурного по НИИ». Валя сказала: «Немного пожурили, но ради Нового года простили, причина-то была уважительная» – улыбнулась она.

Официантка, миловидная девушка лет двадцати, в белоснежном передничке, принесла заказ. Поставила перед ними шампанское и мороженое. Пожелала провести чудесно вечер, не забыв поздравить их с Новым годом.

Женя приподнял бокал: – «С Новым годом, Валя!» Девушка протянула свой бокал, и он, соединившись с Жениным, издал приятный звон. Ребята выпили по несколько глотков вина и принялись за мороженое.

А около оркестра образовались пары да и целые группы танцующих.

Было шумно, весело, молодёжь «оттягивалась» по-настоящему.

Женя пригласил Валю на танец, но она отказалась, сославшись на то, что просто хочет посидеть и посмотреть. «Это ведь, Женя, наш первый Новый год, каким он будет для нас? Да и кроме того, я сегодня что-то подустала, поздно легла и не могла долго заснуть».

Евгений понял, что девушка засобиралась домой. Ей ехать до улицы Маршала Тухачевского на девятнадцатом или пятьдесят девятом троллейбусе по улицам Песчаная, Алабяна, Народного Ополчения.

Молодой человек подзвал официантку, расплатился, и они пошли в раздевалку. Оделись и вышли на улицу. Шёл небольшой снежок. Это

прекрасно сочеталось с окружающей рекламой магазинов, чудесно расцвеченных ёлочками.

Ребята прошли к остановке троллейбусов у церкви «Всех Святых во Всесвятском». Троллейбусов не было, пришлось ждать.

Подошёл шестьдесят первый троллейбус, они вошли, сели, пассажиров было немного. Троллейбус шёл до Карамышевской набережной, но на улице Маршала Тухачевского они сошли. Второй дом от угла улиц Народного Ополчения и Маршала Тухачевского – Валин.

Проводив Валю до подъезда, Женя вышел на остановку и стал ждать девятнадцатого троллейбуса. А вот и он. Молодой человек сел у окошка и стал разглядывать разукрашенные улицы.

Через сорок минут он был на остановке у подземного перехода к улице Академика Павлова. Рядом на Рублёвском шоссе стояли три высотных здания. В доме сорок четыре корпус два около детского садика жил Женя.

Поднявшись на седьмой этаж, он позвонил в свою квартиру. Открыла мама. Было двадцать три часа тридцать минут.

«Ну как отдохнули?» – спросила мама.

«Ты, мама, извини, я кушать не буду, приму душ и лягу»...

5.

Следующий день – выходной, и Женя позволил себе полежать подольше. Но в восемь часов всё-таки встал, сделал зарядку, принял душ, побрился и пошёл на кухню завтракать. Закусил оставшимся салатиком, выпил чашечку чёрного кофе и встал из-за стола, поблагодарив маму.

Женя подошёл к телефону и решил позвонить другу однокашнику Валере Кузнецову. Тот оказался дома и пригласил Евгения к себе. Он жил с женой Галиной и сыном у станции метро Ждановская. Женя пообещал приехать к четырнадцати часам. А пока он сел и решил почитать А.И.Куприна. В частности он начал перечитывать рассказ «Гранатовый браслет», который ему очень нравился.

Углубившись в чтение, Евгений и не заметил, как прошло время. Пора было собираться. Но вдруг раздался телефонный звонок. Звонила Валя. Женя поздоровался и пригласил девушку поехать с ним к его товарищу. Но Валя отказалась, сославшись на то, что встречается с подругой, которую давно не видела.

Молодые люди распростились до следующего дня, ведь теперь они будут всё время встречаться на своём пятом этаже в РИО. Валя повесила трубку.

Женя оделся, сказал родителям, что часов в девять будет и вышел.

Было тепло, температура плюсовая. Он даже не надел шапку.

Евгений подошёл к автобусной остановке у подземного перехода через Рублёвку. Подошёл 688-й автобус, следующий до станции метро Юго-Западная. Женя вошёл и, не занимая места, ехать было десять минут, остался стоять у выхода.

Остановка – метро Кунцевская. Женя вышел из автобуса, вошёл на станцию метро, сел в вагон и стал наблюдать за мелькающими за окном деревьями, домами, автомобилями и куда-то идущими людьми...

Январь 1998 г., РИО, Рублёво

Великое онемение

Этюд

(Навеяно «Петрушкой» Красновского А.А.)

Наступило «ВО». Палата лордов была в восторге...
И сказал Он, что это хорошо. В то же время его обуяли сомнения: «Ведь слово было первым, значит это кому-то нужно».
Сел, призадумался, почесал «репу»: «Нехорошо», а лорды из-за двери: «Хорошо, хорошо, утверждай, это путь в Рай».
Но он никак не мог решиться утвердить начало времени «ВО».
Был вечер, ночь. Подумав, Он провозгласил: – «Утро вечера мудренее!»,
– и лёг спать.

17.01.2008г., Рублёво

Круиз

Рассказ

Сегодня суббота, и я проснулся несколько позже обычного. Быстро встал с постели, взял гантели и проделал несколько физических упражнений.

Принял душ, побрился, позавтракал, переоделся и вышел на улицу.

Было немногочисленно, только отдельные пешеходы шли к автобусной остановке, вероятно спешили, спешили на работу.

Прохожу мимо остановки автобусов «Улица Советская» и углубляюсь в

Рублёвский лес. Меня встречают вековые сосны лёгким шумом и покачиванием своих лап. Прохладно, на моём градуснике, что висит на окне кухни, плюс один градус.

Солнце взошло. Меня поразили пурпурные его всполохи над горизонтом и голубизна неба. День обещал быть погожим.

Рядом со стоянкой «Двенадцати месяцев» Коля Василенко, Вася из четвертого дома и Русич ждут гонца, посланного к Морену за очередным «романом». Ребята с нетерпением переминаются с ноги на ногу. Вероятно, вчера была хорошая «читка», и им хотелось как можно скорее продолжить её. Поздоровавшись, прохожу мимо, как хорошо, что десять лет не «читаю».

В лесу грязи, разного мусора невпроворот, особенно на стоянке «Двенадцать месяцев». Но вот показалась бригада гастарбайтеров, человек пятнадцать в оранжевых костюмах. Возглавляла их бойкая женщина, работница ЖЭКа. Рабочие рассыпались по лесу и в чёрные мешки начали собирать различный мусор.

Вдоль Обводного шоссе, мимо цирка «шапито» двигалась ещё одна группа под флагами России и Москвы. Как выяснилось позже, это поселковая ячейка партии «Единая Россия» вышла на субботник. Впереди с флагом Москвы Володя Щукин – мой одноклассник. Двое молодых людей несут плакат: – «Единая Россия – Сильная Россия».

Прохожу площадь «Трёх Улиц» – центр посёлка и вхожу в ворота старого парка, несколько обновлённого прошлым летом. Иду по красно-серой брусчатой аллее на берег Москвы-реки.

Даль ясна, неба синь великолепна, хоть картины пиши. Ближние подступы к реке на левом низком берегу заняты землеройной техникой. Поговаривают, что Батурина – миллиардерша, строит коттеджный посёлок.

Поживём – увидим. Восемь часов, а работы идут вовсю.

Спускаюсь к реке. Юра Капелькин разворачивает снасти и собирается удить. Слева человек пять в камуфляжных костюмах уже удят. Но рыба клюёт плохо. Иду к слипам, поднимаюсь вверх. Здесь берег пониже, чем под парком, но так же круто.

Из ДК пришли две девушки с мешками и стали убирать мусор между стадионом и кромкой берега Москвы-реки. У них тоже субботник.

Остальные подойдут позже.

Прохожу между ДК и строящимся храмом. Крест около него, на нём икона Божьей Матери и маленького Спаса.

Спускаюсь на улицу Василия Ботылёва, нашего героя. И перед путепроводом под Рижской автодорогой поворачиваю направо и начинаю подъём в гору. Здесь в наши молодые годы проходили трассы пяти- и десяти-километровых лыжных дистанций. С этого коварного спуска мы летели «на всех парах» и удалялись в Лучанский лес на хребет с названием Барсучка. Это тоже горки, которые в наши детские годы казались такими высокими, а теперь немного понизились. Следую дальше по нашей старой лыжной трассе. Гаражи приблизительно на полторы тысячи автомобилей, вероятно в посёлке безгаражных авто и машин в гаражах у Ново-Рижской автодороги ещё столько же, что каждая вторая семья имеет автомобиль. А говорят, плохо живём.

Обхожу гаражи и опять вхожу в Рублёвский лес. Парнишка лет одиннадцати гуляет с белым лабрадором. На свитере мальчика цифра двадцать три, у меня эта цифра на шапочке, мы из одной команды. Согласился. Кстати, под этим же номером играет известный футболист Дэвид Бэхэм.

Прохожу мимо полянки «Двенадцать месяцев». Никого. У магазина Васи тоже. «Легли на дно».

Иду около седьмого дома по Обводному шоссе. На втором этаже квартира номер один, бывшая наша. Вот она, та самая берёзка, с которой всегда прощался, уезжая в командировку, и здоровался, приезжая.

Дом номер девять – Грибулькинский. В его квартире на первом этаже частенько собирались, почитывали, спорили, ругались и собирались вновь.

А вот и он, мой дом номер пятнадцать на Советской улице. Второй подъезд. Открываю дверь. Вхожу. «Круиз» закончен.

Два с лишним часа непрерывного движения, пройдено около двенадцати километров. Настроение прекрасное, бодрое, состояние хорошее.

Закончен пеший мой «Круиз».

Путь был и вверх,

Шёл он и вниз,

Как и у всех.

А золотая середина

Меня встречала словно сына.

25.04.2009г., Рублёво

СОДЕРЖАНИЕ

Предгрозые	4
Два капитана	5
Пьянству бой	34
Первые шаги	42
А сосны шумят	62
Рекогносцировка	63
Послание	68
Отчёт о праздновании Дня Лаковых войск	71
Новый год	75
Великое онемение	85
Круиз	86

Александр Уличный

Проза.

Избранное.

Сентябрь 2010 г.

Издательство "Крипто-логос"
121471, Москва, Можайское шоссе, 15
Тел.: (499) 737-6409

Тираж 50 экз.